

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Любовь к ближнему — это единственная дверь, ведущая на волю из темницы собственного “я”». Эти простые слова истинного христианина принадлежат замечательному шотландскому писателю XIX века Джорджу Макдональду. И надо сказать, вся его биография, творческая и личностная, их подтверждает.

В декабре 2019 года исполнилось 195 лет со дня рождения этого поистине феноменального человека, в судьбе и духовном облике которого неразрывно переплелись взаимоисключающие, кажется, черты и события. Утонченность природы — и происхождение из семьи белильщика; дар увлекательного романиста — и вдохновение поэта.

Жизнь Макдональда проходила в неустанных трудах и переездах: работа до-

машним учителем, редактором детского журнала, чтение лекций по английской литературе и по математике... Он пребывал в постоянном поиске заработка — трудная доля живущего в счастливом браке отца семейства с одиннадцатью детьми. Это, однако, не умаляло горячей сердечности, с которой Джордж вместе с супругой Луизой устраивали благотворительные мероприятия в пользу малоимущих, оставляя о себе добрую память везде, где бы им ни приходилось жить.

Он обладал восхищавшими многих изысканными манерами, был глубоким знатоком родного фольклора, дружил со многими выдающимися современниками: писателями Марком Твенем и Люисом Кэрроллом, поэтом Альфредом Теннисоном, с блестящим знатоком ис-

---

Слово «Карачун» имеет несколько противоположных значений, оно знаменует в славянской мифологии начало зимнего солнцеворота и связанного с ним праздника. В древнерусском и словацком языках «карачун» — «рождество»; в болгарском — «рождественский день»; закарпатском — «рождественский пирог». Традиция также связывает с понятием «карачун» влияние злого духа. Так, у белорусов «карачун» — это «внезапная смерть в молодом возрасте, судороги»; «дух, сокращающий жизнь». Сходное понятие есть и у великороссов — «гибель», «смерть», «злой дух». Происхождение слова «карачун» некоторые специалисты выводят от латинского «quartum jejunium» — «четвертый пост»; однако возможно и образование от сербохорватского глагола со значением «шагать» — «переходный (рубежный) день»; не исключено и заимствование из албанского — «пень», «обрубок дерева», «рождественское дерево».

куста Джонам Рескиным, с художниками Артуром Хьюзом и Эдвардом Берн-Джонсом... Легкость на подъеме сочеталась в нем с бесстрашным практическим человеколюбием и духовной самоотверженностью христианского проповедника, не ограниченного жесткими догмами.

Неутомимый в творческих поисках и идеях, Джордж Макдональд оставил богатое литературное наследие: яркое, одновременно тяготеющее к претворению традиции, с многочисленными культурными переключками — и неожиданное по мысли и образности; обладающее языком, в котором сочетаются книжность, изящная простота, точность и смелость в деталях. Благодаря своим писательским экспериментам Макдональд часто по праву именуется основоположником фэнтези как литературного жанра. В его романах внимательный читатель и по сей день разга-

дает тайные смыслы, а созданный им мир волшебных сказок содержит высокие нравственные максимы. В текстах Макдональда всегда присутствует духовный выбор: деятельному, самодовольному и нередко по-настоящему страшному злу, угрозы которого могут быть прописаны детально и жестко, противостоит человеческая доброта и честь, подлинная духовная красота, проявляющаяся и в каждодневном существовании, чистота души, верность и последовательность в дружбе и любви. «Я пишу не для детей, — сказал он однажды, — но для тех, кто невинен и искренен, как ребенок, пять ли ему лет, пятьдесят ли или семьдесят пять».

Именно таким является повествование, предлагаемое нашему читателю. Название его в подлиннике — «Carasoin» — буквально непереводаемо¹.

Римма ЛЮТАЯ

Глава первая

ГОРНЫЙ РУЧЕЙ

Давным-давно в уединенном домике в Шотландии жил двенадцатилетний мальчик по имени Колин, сын пастуха. Мать его умерла, сестер и братьев не было. Отец с утра до вечера пас на холмах овец, зная, что к ночи возвратится в опрятный и чистый дом, словно обустроенный женскими руками. Полы подметены, уютно потрескивает огонь в печи, на столе ожидает горячий ужин — все так, как если б в семье у него был не только сын, а еще жена или дочка...

Колин умел читать и писать, а вот о цифрах и счете понятия не имел. Притом был он в сто раз благоразумнее и восприимчивее к учебе, чем те, кто просиживает в школах с утра до вечера. Все удавалось ему: не было случая, чтоб мальчик с успехом не выполнил то, что требовалось, — даже в деле, где любой другой ребенок, по видимости более основательный и упорный, потерпел бы неудачу. Как ни странно, даже самые грубые и нелепые ошибки всегда в конце концов выводили Колина на верный путь. Вдобавок мальчик любил фантазировать, а когда работать приходилось особенно напряженно, попутно давал волю своему воображению, с увлечением строя воздушные замки. Возможно, обе эти страсти — мечтания и труды — всегда живут рука об руку...

Так что времени для досуга Колин имел предостаточно и никогда не чувствовал себя слишком загруженным работой. Зимой он любил читать сидя у камина или вырезать что-нибудь из кусочков дерева с помощью карманного ножика, а летом всегда уходил на холмы к заветному водопаду. Небольшой, но быстрый по-

¹ Выполненный Р.В. Лютой перевод «Carasoin» Дж. Макдональда удостоен Шекспировского диплома на конкурсе «Золотое перо Руси».

так, бегущий по крутому склону, преводил мальчика в неопереуемый восторг, и, жжгаемый нетерпеливым воодушевлением и ожиданием чуда, каждый день Колин отпралялся в путешествие вверх по его течению. Впрочем, с интересом созерцая игру водных струй, он обычно не слишком удалялся от дома. Бывало, присядет на прибрежный камень и пристально, как за удивительным живым существом, наблюдает за потоком; а тот спешит, перекатываясь через гальку, будто браня встречающиеся помехи, сетуя, бормоча — и всегда отыскивая путь в долину! Иногда Колин надолго останавливался у глубокого омута, следя взглядом за стайками форелей — все в малиновую крапинку!.. А шустрые рыбки так деловито хвосты устремляли их движение в нужном направлении. Ну а если уж случалось мальчику добраться до небольшого порога, где поток, благополучно обогнув глухую скалу и испуская сияние солнечных бликов, летел вниз с подкупающей свободой и бесстрашием, то он редко уходил оттуда засветло.

Надо сказать, одно грустное обстоятельство давно не давало Колину покоя. Дело в том, что, когда ручей приближался к их домику, для его прозрачных и веселых водных струй не было другого пути, кроме как через небольшой скотный двор в нижней части усадьбы, рядом с коровником и свинарником. Там, в грязи и тесноте, подходящего русла не проложишь, и — вот несчастье! — до этого чистый и быстрый поток здесь бессильно растекался вширь, превращаясь в ужасную грязную лужу. Мутный, затоптанный, оскверненный следами разъезжающихся копыт домашнего скота, он, казалось, вот-вот окончательно выбьется из сил и совсем погибнет.

Не сразу находя путь на волю, течение с невероятным трудом все же вырывалось снова за пределы скотного двора у дальней ограды. А потом ему еще нужно было время, чтоб хоть немножко окрепнуть, как выздоравливающему после болезни. Довольно долго ручей едва-едва полз, будто не веря в свое возрождение; сильно оскудев и почти совсем утратив скорость, он удалялся от дома прочь, как будто пристыженный. И только встретив ниже по течению дружескую поддержку холодного горного потока и соединившись с ним, он снова набирал силу и дальше струился уже обновленным и полным свежести...

«Не может быть, чтоб ручей пропадал только потому, что из него пьют коровы, — думал Колин. — А свиньям до него вообще дела нет. Но поток растоптан и разбрызган по нашему двору, и наверняка он обижен и оскорблен, а этого быть не должно. Конечно, сами по себе коровы вовсе не грязные, да и не злые — просто они немножко глуповаты и невнимательны. А вот свиньи — животные суматошные и нечистоплотные... Надо что-то делать», — наконец решил он.

Мальчик тщательно обследовал территорию фермы и ее окрестности. С северной стороны дома была скала, через нее потоку ни за что не пробиться. С юга — скотный двор. И Колин заключил: единственная возможность спасти ручей — проложить новое русло для него прямо через дом, где жили они с отцом. Конечно, любой здравомыслящий инженер, придя к такому выводу, постарался бы избежать именно подобного выхода из ситуации. Но детское сердце Колина ликовало и плясало, предвосхищая миг, когда, сверкая и искрясь, драгоценная живая влага побежит через их уютный домик. Как прохладно и свежо будет все лето от воды! Как удобно готовить пищу, мыть посуду, и как близко, совсем под рукой будет вода во время ужинов... А что за дивная музыка польется в тихом журчании струй! Какие чудесные сказки сможет рассказывать ему бойкое, неугомонное течение перед сном! Какие ласковые колыбельные песни пропоет на ночь! А в часы, когда отец будет на пастбище, лучшего приятеля, чем ручей, Колину не найти... К тому же можно купаться в нем сколько хочешь! Ну а зимой... Да что там говорить!.. Разве просчитаешь все на сто лет вперед? До зимы еще так далеко...

На следующий день отец как раз отправился на ярмарку, и Колин, не теряя времени, принялся за работу.

Начать решил изнутри дома, и дело оказалось не слишком трудным, ведь стены и пол их домика были сооружены из глины. Стены — из очень легких, хорошо просушенных на солнце глиняных кирпичиков; пол, правда, был порядочно утрамбован, но все же и он поддавался упорным наскокам остроконечной кирки и лопаты. Колин вырубил аккуратные отверстия в двух противоположных стенах, между ними прокопал узкий канал в полу, для прочности вымостив камнем его дно и боковины. Потом, выбравшись наружу, проложил удобное ложе для воды по маленькому садику перед домом, а дальше, ниже по течению, ручей уже сам должен был найти дорогу к своему старому руслу, потому что здесь находилась отвесная скала, стараниями Колина недоступная.

К вечеру вернулся домой отец.

— У тебя все в порядке, сынок? — спросил он, с изумлением разглядывая ровную канавку в полу комнаты.

— Подожди еще чуть-чуть, папа, — блеснул глазами Колин. — Сейчас я приготовлю тебе ужин, а потом все расскажу...

Усадив отца за стол, Колин выскочил за дверь и, поспешив к ручью, пробил последнюю преграду из гальки у самого его берега. Так воде открывался свободный путь к заветному каналу, откуда естественное углубление в почве вело ее прямо к дому.

Поток вырвался на волю, как зверь из клетки, и стрелой пронесся сквозь стены комнаты — мальчик едва успевал вдогонку следовать за ним. От неожиданности отец вскрикнул. И когда Колин вбежал, задохнувшись от переполнявшего душу счастья, пастух сидел с ложкой, застывшей на полпути ко рту, а взгляд его был прикован к бурлящей мутной воде, которая, пенясь, мчалась по полу.

— Он же скоро очистится, папа, — радостно сообщил Колин, — и тогда будет таким славным!

Все еще ничего не отвечая, словно окаменев, пастух наблюдал за буйным вторжением потока в дом. А Колин меж тем продолжал увлеченно перечислять длинейший ряд преимуществ, которые, по его мнению, давал ручей, текущий через их жилище. Наконец отец улыбнулся и сказал:

— Ты прелюбопытное существо, Колин. Только почему б тебе не воплощать в жизнь свои фантазии так, как делают это люди постарше? Не пойму. Ну да ладно. Давай попробуем пока оставить все как есть, а к осени посмотрим, что и как...

Признаться, уже давно — и в последнее время все чаще — пастух стал задумываться о том, как одинока и скупа на детские радости жизнь его мальчика, и оттого теперь казалось просто невозможным отнять у сына хоть какое-то доступное ему удовольствие.

Тем временем Колин стремглав вылетел во двор — поглядеть, как там ручей найдет кратчайший путь к своей свободе, а затем помчится по крутому склону от их домика к своему старому руслу в низине. Увидеть, как поток, бурля и кувыркаясь, впервые падает с отвесной скалы за садом — о, это уж точно зрелище, ради которого стоит жить!

«Хорошо еще, что у ручья нет шеи, которую можно свернуть, иначе это случилось бы по двадцать раз в минуту, не меньше, — думал Колин. — А все же, как весело и ловко скачет он вниз с камня на камень! Я бы тоже с удовольствием так попрыгал, если б не моя шея...»

Весь вечер мальчик метался то в сад, то в дом, не находя себе места, не зная ни минуты отдыха. Сначала — вверх, к месту соединения отводного канала и старого русла; оттуда, следуя за течением, — вниз, к домику, к входному отверстию в стене... Потом через комнату — и снова наружу, ко второй зияющей брешу, что-

бы посмотреть, как поток, покидая их жилище, быстро мчится через двор и величественно устремляется вниз по темной скале.

Спустилась ночь, и звезды отразились на мокрых камнях, и с гор повеяло прохладой. Наконец отцу удалось убедить Колина, что пора спать. С сожалением бросил ребенок последний взгляд на воду, которая струилась теперь совершенно чистой, прозрачная и спокойная, и, вздохнув, повиновался. Следом улегся и отец.

Глава вторая

СКАЗОЧНЫЙ ФЛОТ

Кровать отстояла от потока на пару ярдов, а Колин, всегда первым вскакивающий поутру, спал с краю. Не в силах преодолеть внутреннее возбуждение, мальчик лежал в тот вечер без сна, пристально вглядываясь в слабое мерцание воды при тусклом красноватом свете углей в камине, укрытых тихо тлеющим дерном, и прислушивался к мелодии ручья, который, журча, спешил через дом — снова во тьму. Через некоторое время бормотанье струящейся по полу воды сложилось для него в бесконечный напев колыбельной, который повторялся, и менялся, и томил, и успокаивал, и в конце концов усыпил его.

Вскоре, однако, мальчик понял, что снова не спит. Он прислушался к звукам деловито журчащего течения, плавным и неутомимым, и вдруг заметил, что в стройном их хоре сосредоточено как будто больше отдельных тонов, чем прежде — тогда, когда он, Колин, еще только засыпал. Среди прочих оттенков и звуков можно было различить тихое деревянное постукивание, которое напоминало удары крошечных корабельных бортов друг о друга, и тоненький щебечущий говорок, перемежавшийся нежным смехом, переливчатым и легким, как летний перезвон вересковых колокольчиков... Колин открыл глаза.

Сияла полная луна, ярко освещая собравшихся на перекур паромщиков и сверху, и снизу — своим отражением в плоском зеркале темной воды. Только что прибывшие лодочки и маленькие парусники, сгрудившись, перекрыли выход потока из дому, словно устроив запруду в устье реки, впадающей в океан, — полноводный, поднявшийся в берегах ручей лежал вровень с полом комнаты. Однако отыскать взглядом хоть полоску открытой воды было почти невозможно — разве что догадавшись о том по случайному зыбкому мерцанию ее в просветах меж устремившимися к причалу крохотными судами таинственного флота, живущего в каком-то своем чудесном ритме. Матросы на рейде, впрочем, были заняты делом вполне серьезным: как самые настоящие моряки в подобной ситуации, они швартовались вдоль берега либо перегоняли свои суденышки выше по течению и просушивали их, вытянув из воды. В лунном сиянии отливали волшебной белизной маленькие паруса, приспущенные и лениво раздувавшиеся на мачтах под легким бризом, который стелился над водой. Множество лодчонок пытались пробиться сквозь случайные заторы, сверкая мокрыми веслами; тоненькие голоса сердито перекликались, миниатюрные ножки перебегали с места на место, цепкие ручки с упорством тянули прочные, толщиной с суровую нитку канаты, закрепленные на миниатюрных блоках из полированной слоновой кости...

Изящные дамы стояли небольшими группами на берегу, в их дивных красочных нарядах преобладал зеленый цвет; за дамами ухаживали стройные кавалеры, с ног до головы одетые в зеленое же, как кузнечики, но — с красными и желтыми перьями на шляпах. На противоположном берегу потока торжественно высадилась Королева. Мгновенье — и вот уже танцоры, не меньше двух десятков, в неторопливой, размеренной процессии сопровождали прогулку Ее Величества вдоль ручья...

Задаченное лицо Колина, наблюдавшего за таинственными пришельцами прямо из постели, как из засады, казалось, принадлежало сердитому Великану-людоеду, которого потревожила суeta досаждающей ему мелюзги.

После нескольких танцев Королева знаком повелела всем остановиться, и Колин услышал, как ее звонкий, серебристый голосок капризно произнес:

— Вот скучища! И надоела же мне эта постоянная тупая степенность! К чему вести себя так же чинно и уныло, как эти исполины из человеческого мира? Давайте-ка поиграем в «Гоп-скок!.. Куку-кукареку!..»

По королевскому повелению группы танцующих разбились надвое, и маленькие загадочные существа — женщины и мужчины порознь — принялись резвиться всяк по своему собственному разумению.

Незванные гости разбрелись по спящему дому, и большинство из них Колин потерял из виду. Он прилег, наблюдая за озорными выходками двух проказников, которые вели себя так развязно, что больше походили на ярмарочных клоунов, чем на благовоспитанных джентльменов, которыми выглядели пять минут назад. И вдруг прямо над самым ухом его прозвучал тихий детский голосок — да так неожиданно, что мальчик вздрогнул. Он тщательно осмотрелся, обследовав все пространство вокруг своей подушки, однако ничего и никого не обнаружил.

— И не пытайся меня увидеть — не получится. Я здесь, в изголовье кровати, и обхожусь с тобою сквозь дырочку.

Колин отлично знал это маленькое отверстие, оставшееся от выпавшего сучка! Он потянулся к грядущке.

— Не смотри сюда! — с тревожной поспешностью предупредил голосок. — Если Королева заметит меня, то сразу прикажет схватить. Ну, не двигайся, пожалуйста!..

Интонация стала умоляющей, в слабом голосе зазвенели слезы, и мальчик постарался отвернуться от изголовья, хотя любопытство так и разбирало его. А речь продолжилась:

— Ты только не оборачивайся, ладно?.. Я и так все тебе расскажу. Я девочка, маленькая, но совсем не сказочная, а настоящая. Семь лет назад Королева фей выкрала меня у родителей в день моего рождения, и с тех пор мне никак не удается бежать. Я не люблю фей: они, как мошкара, назойливы, ужасно ограничены и, похоже, никогда не поумнеют. А я расту, я изменяюсь, разума у меня год от года прибавляется, и мне так хочется опять вернуться к людям, в свой мир! Но феи не позволяют: они все время превращают меня в кого-то, заставляя играть какую-нибудь глупую роль, да притом еще целую ночь, а весь день мне приходится спать. Сами они обожают подобные дурацкие проделки, но мне-то нравится оставаться собою, самою собой!.. Королева, правда, говорит, что стать абсолютно счастливой все равно никому невозможно. Но я точно знаю: счастье для меня — это снова оказаться среди людей и жить как обыкновенная девочка... Забери меня у них!

— Как же я сумею забрать тебя? — изумился Колин.

И его взволнованный шепот прозвучал громом среди ясного неба после нежного девичьего голоса, изменчивого и неуловимого, как ветер, что шелестит в поле высохшими бобовыми стручками.

— Королева тобою очарована и наверняка предложит что-нибудь тебе в подарок, а ты попроси меня. Ой, она уже идет сюда...

В тот же миг мальчик услышал совсем другой голос, куда более пронзительный, резкий и властный, и, взглядевшись, увидел, что прямо перед ним на краю кровати стоит прелестное волшебное создание в сияющей драгоценными камнями короне и как скипетр сжимает в руке камыш, верхушка которого блистает роскошной гроздью изумрудов...

— Что это ты так пристально уставился на меня, здоровяк, невежа?! — требовательно выговорила повелительница фей. — Похоже, твои глазницы слишком велики, чтоб ясно видеть с их помощью. Да и вообще все вы, люди... такие несуразно огромные, толстокожие, неуклюжие твари... словно гигантские кони домовых!

Завершив высокомерную тираду, Королева возложила свой великолепный жезл на веки Колина.

— Ну, глупец, и как все выглядит сейчас? — поинтересовалась она.

В этот миг знакомая комната вдруг представилась мальчику гигантской житницей, которую переполняли, как зерно, существа росточком около двух дюймов. И лучи неверного лунного света, льющегося из окна, и рельефные балки потолочных перекрытий буквально кишели мириадами фей!.. Они беспечно развлекались, проделывая всевозможные трюки и выдумывая шалости; карабкались по всему, что стояло, лежало и висело в доме; сбивали друг друга с ног, азартно бросаясь пылью и сажей в лицо; внезапно вспрыгивали на шею зазевавшимся собратьям и ловко подставляли приятелям подножки, скалясь потом в недобрых ухмылках из дальних углов...

Вот два озорника, подхватив пустую яичную скорлупку, подкрались сзади к третьему. Тот сидел на краю стола, умирая со смеху от какого-то забавного зрелища. Правда, оно происходило внизу, на полу, и потому видно было только ему. И пока увлеченный наблюдатель дирижировал чьими-то проказами, постанывая и взвизгивая от удовольствия, проворная парочка, хихикая, опрокинула скорлупку прямо на него, так что неудачливый весельчак неожиданно оказался в одиночестве — в непонятно откуда возникшей пустоте белой пещеры...

Справедливости ради надо заметить, что феи-дамы не принимали участия в подобных грубых шалостях. Их розыгрыши и выдумки, неизменно грациозные, были главным образом словесными, а не акробатическими...

Но тут, не снимая жезла с глаз Колина, Королева продолжила свою речь:

— А знаешь, ведь ты, сын смертного человека, приятно удивил меня — Повелительницу фей. Ибо я, Леди и Королева — существо из волшебного мира, чуждого низким стихиям, и потому не опускаюсь до подчинения их своей воле. Так что даже я — Я! — не могу позволить себе делать все, что пожелаю... Ты же приятно услужил мне. Уже не первый год мне страшно хочется предпринять путешествие на корабле, отправившись по этому ручью вниз, к океану. А ваш ужасный скотный двор — с тех пор, как твой прадед построил здесь дом, — был единственным препятствием для осуществления моих заветных планов. И все потому, что мы, феи, да будет тебе известно, ненавидим грязь во всех ее видах, будь то заброшенный старый дом или невымытое туловище какого-нибудь бродяги-оборванца. Терпеть нечистоту и мусор нам невмоготу и в лесах, и на полях, и в лугах. Но самое невыносимое — испоганенные, втоптаннные в грязь живые, стремительные водные потоки!.. Впрочем, нет смысла посвящать неразумного юнца в суть проблем, которые его не касаются. И вообще, не стоит мне дольше объясняться. Я поведала кое-что о себе, поскольку ты, потомок человеческий, кажешься мне славным мальчиком и, пожалуй, достоин получить в награду за свою услугу то, что пожелаешь. Разрешаю тебе: все, что хочешь, проси у Королевы!

— Если можно, Ваше Величество, — сдержанно, взвешивая каждое слово, начал Колин, — я желал бы забрать маленькую девочку, которую Вы унесли с собою семь лет назад, лишь только малютка родилась. Мне, Ваше Величество, хотелось бы получить в дар именно ее.

— Это неприятно Нашему Величеству!.. — задохнувшись от гнева, резко выкрикнула Королева, и лицо ее мгновенно помрачнело. — Попроси чего-нибудь еще!

— Ни за что, понравится это Вашему Величеству или нет! — отвечал Колин

храбро. — Ловлю Ваше Величество на слове, Вы ведь дали обещание. Мне нужна только эта малышка, и ничего другого. И она у меня будет, вот так-то!

— Да как ты смеешь, наглый толстяк, разговаривать со мною в таком тоне?! — топнула Королева изящной ножкой.

— Смею, Ваше Величество.

— Тогда ты ее не получишь!

— Ну, в таком случае я поверну ручей на кучу навоза, — стараясь выглядеть невозмутимым, изрек Колин. — И раз уж Вы относитесь ко мне настолько плохо, едва ли теперь я так просто позволю всей вашей компании без приглашения являться в мой дом, шуметь здесь, развлекаться и резвиться, когда и как вам заблагорассудится.

Мальчик, приподнявшись, уселся в кровати поудобней и оказался лицом к лицу с Королевой. Совершая эти несложные манипуляции, он случайно заметил благодарный взгляд очаровательной девчужки, блеснувший из полутьмы в изголовье его кровати. И сразу понял, что это и есть его давешняя маленькая собеседница: по тому, как затаенно она молчала, и как испуганно и утомленно выглядела, и с каким внутренним напряжением прислушивалась к спору, нервно покусывая большой палец...

Повелительница фей тем временем сообразила, с кем ей приходится иметь дело, и, понимая, что королевское слово следует держать твердо, решила изменить тактику. Она нацепила на лицо притворно-сладчайшую маску, используя нежнейшие взгляды и улыбки и стремясь усыпить бдительность Колина. И когда лукавая светская дама проделала все это, девичье личико за грядущей кровати стало еще более озабоченным, и пушистая головка горестно закачалась, и изящный пальчик от огорчения выскользнул из детского рта.

— Добрый, славный Колин, — ласково промурлыкала Королева, — ладно, я согласна, ты получишь эту девочку. Но сначала тебе придется кое-что сделать для меня.

Изо всех сил пытаюсь предостеречь Колина, таившаяся в уголке бедная пленница отрицательно замотала головой — так живо, энергично и отчаянно, как только могла. Но поздно! Мальчик уже поддался каверзе Королевы.

— Конечно, я готов. А что надо сделать? — наивно спросил он, связав себя таким образом новым обязательством и оказавшись во власти искусительницы.

— Ты должен принести мне Карачун. Целую бутылку, — хитро и удовлетворенно ухмыляясь, сказала фея.

— И что же это такое? — поинтересовался Колин.

— Это напиток, нечто вроде особого вина, которое делает людей счастливыми.

— А разве Вы все еще несчастны, Ваше Величество?

— Увы, да, Колин, — отвечала Королева со вздохом.

— Но ведь теперь у Вас есть все, о чем Вы мечтали! Разве не так?

— Кроме Карачуна, — холодно возразила фея.

— Вы же можете делать все что хотите, плыть и ходить, куда пожелаете...

— В том-то и дело. Все легко и доступно, а мне хочется чего-нибудь необычайного — такого, что я пока еще не полюбила, что никогда не доставляло мне неведомого удовольствия — потому что я просто ничего не знаю о нем, то есть ни малейшего понятия не имею! Ясно?.. Я желаю бутылку с Карачуном!

И тут Королева захныкала притворно, как балованное дитя, а вовсе не так, как могла бы плакать искренне опечаленная женщина.

— Как же мне раздобыть этот Карачун?

— Откуда я то знаю! Ты сам взялся — вот сам и думай...

— Но это же нечестно! — возмущенно воскликнул Колин.

В ответ фея зашлась в приступе презрительного, злого смеха, и залиvistое эхо

его долго перекатывалось по дому, как звон колокольчиков на шеях у сотни резвящихся овец. Потом величаво отвернувшись и молча направилась прочь, к берегу потока, а там легко вспорхнула на борт поджидавшей ладьи, которая доставила ее на королевский фрегат. Тут же словно беспокойный рой пчел начали слетаться к ней галантные придворные, собираться сноровистые моряки. Два маленьких существа выползли из мехов волынки, одно — из ее раструба, другое крохотное создание появилось из-под клапана; трое выбрались из-за плетеных ножен меча, что висел на стене; шестеро, все перепачканные белым, — вынырнули из кадки с мукой... В том же духе суэта продолжилась и потом. Повинуясь неведомому знаку своей повелительницы, слетаясь на ее неслышимый зов, феи появлялись ото всюду, изо всех углов и щелей в доме. Гурьбою они направились к берегу ручья, к своим кораблям и лодкам. Среди них Колин заметил несчастную маленькую девочку, которая беспомощно ползала на коленях по палубе королевского парусника. Глаза пленницы были завязаны передником, а Королева трясла над ней кулаком и что-то сварливо кричала...

Не прошло и пяти минут, как все пассажиры вскарабкались на борт; моряки, умело маневрируя, вышли на фарватер — и флот быстро двинулся вниз по течению. Спустя несколько мгновений домик опустел, и все в нем приобрело привычный вид, вернувшись на круги своя.

«Они же разобьются на скалах вдребезги!..» — словно очнувшись, воскликнул Колин, в ужасе вскочил и выбежал в сад. Но поздно!.. У водопада позади дома уже ничего и никого не было видно.

Ночь дышала свежестью и покоем. Ничто не тревожило душу, кроме мерцания лунного света и быстрого всплеска, мгновенно поглощенного мерным шумом воды, разбивавшейся о камни. Колину померещились как будто отдаленные тоненькие крики; слышались жалобные голоса, молящие о спасении; отчаянные вопли тонущих захлебнулись вдали... И почудилось, что среди них он различает безутешные всхлипывания маленькой девочки, которую так глупо потерял. Но может, это были просто звуки, рождаемые течением, ведь разнообразию голосов бегущего потока нет конца...

Мальчик спустился вниз по ручью вплоть до его старого русла и, не обнаружив никаких следов недавней катастрофы, побрел назад, домой. А там, лежа в постели, долго еще размышлял о случившемся и наконец с горечью признал, что, поддавшись на хитрые уловки Королевы, действительно оказался настоящим глупцом. Усилием воли он заставил себя заснуть, несмотря на тяжелые воспоминания об украденной феями девочке, которой, быть может, теперь никогда уж не стать взрослой женщиной...

Глава третья

СТАРУХА И КУРИЦА

К утру, однако, решимость бороться за малышку возвратилась к Колину, а слово «Карачун» неотступно крутилось и на разные лады повторялось в его мозгу, смутно напоминая о чем-то давнем, даже старинном — но необыкновенно важном.

«Люди в сказках всегда находят то, что хотят, — сказал он себе. — Почему бы и мне не попытаться найти этот Карачун? Очевидно, мои поиски могут не увенчаться успехом. Но не все же в мире держится на том, что очевидно. Пожалуй, надо все-таки попробовать».

Но с чего же начать? Сомневаясь в том, что именно нужно предпринять, Колин обычно начинал делать хоть что-нибудь. И как только отец погнал овец на пастбище, мальчик поспешил к ручью, по которому приплыли ночью в дом сказочные

существова. Задумавшись, он и не заметил, как добрался до начала сделанного им отводного канала.

«Смысла двигаться дальше, вверх по течению, нет, — вдруг решил он. — Королева знала бы, как раздобыть Карачун, находишься он в стране фей».

Тут Колин почему-то вспомнил, как еще совсем маленьким он заблудился на дальней вересковой пустоши — дремучей, загадочно-пугающей, словно древний языческий мир. И как, уже порядком устав, набрел на какую-то хижину, а войдя туда, обнаружил старую женщину, сидящую за прялкой у очага. Старуха порасказала ему тогда такие необыкновенные истории — он их до сих пор вспоминает. А потом объяснила, как вернуться домой.

Старая хозяйка хижины, подумал Колин, наверняка смогла бы помочь ему и теперь. Ведь уже в те годы женщина на вид казалась очень пожилой и опытной, а значит, сейчас должна стать еще старше и мудрее. Итак, решено: надо скорее искать хижину, чтобы спросить у Старухи, что же ему делать дальше.

С этой минуты поток перестал интересовать Колина. Взобравшись на холм за фермой, он отправился куда глаза глядят и все шел и шел, пока не очутился на бескрайней и уединенной вересковой пустоши.

Солнце скрылось за облаками, подул холодный ветер; небо глядело мрачно и безотрадно, и нигде не было ни малейшего намека на жилье... Казалось, этот мир обречен на вечное запустение. Колин машинально влачился дальше, надеясь отыскать хижину хотя бы по воле случая; когда же странное оцепенение, навеянное сумрачным обликом местности, прошло, он обнаружил, что заплутал и не знает дороги назад. Обернувшись, чтобы понять, где оказался, мальчик вдруг увидел прямо перед собою знакомый домик. И вспомнил, что в прошлый раз тоже набрел на него лишь тогда, когда, казалось, окончательно заблудился.

«Похоже, единственный способ найти что-то — это самому потеряться», — вслух подумал Колин. Он поднялся к хижине, стоявшей на небольшом возвышении и походившей на крупный пчелиный улей, выстроенный из торфа, и постучал в едва заметную невысокую дверцу.

— Заходи, Колин, — раздался голос.

Низко склонившись, мальчик повиновался.

Старая женщина сидела у маленькой печки и пряла пряжу — тем стародавним способом, каким это делали в прежние времена: с помощью прялки и веретена. В миг, когда Колин вошел, прялка остановилась.

— Проходи и садись у огня, — продолжала женщина. — И рассказывай. Говори, что тебе нужно.

И тут Колин увидал, что у Старухи нет глаз.

— Жаль, что вы слепая, — вежливо произнес он.

— Не обращай на это внимания, милый. Несмотря на мою слепоту, я вижу больше, чем ты. Признавайся же, наконец, чего ты хочешь. Тогда и посмотрим, смогу ли я что-нибудь сделать для тебя.

— А откуда вы знаете, что мне что-то нужно? — поинтересовался Колин.

— Вот уж не люблю я этого, — заворчала Старуха в ответ. — Зачем ты тратишь слова понапрасну? Хлебные крошки не раскидывают без толку, и слов на ветер нечего бросать!

— Простите меня, — устыдился Колин. — Я все вам расскажу.

И он поведал хозяйке свою историю.

— Ах, детки, детки несмышлены! — вздохнула женщина. — Вечно вы шалите да проказничаете. И ведь никогда не угомонитесь, пока кому-нибудь случайно не навредите, плохо не сделаете... Но пожалуй, и впрямь пора немного вразумить капризную Королеву фей. Ты пришелся по душе мне, мальчик, и я научу тебя, что нужно делать, чтобы выполнить обещание. Ты отнесешь повелительнице воз-

деленную бутылку с драгоценным напитком. Только, боюсь, отдав его, она разочаруется. Впрочем, это уж забота моя... Ну, к делу: слушай и будь внимателен! Сперва, Колин, тебе придется грезить три дня, но при этом — не спать. Потом ты должен будешь трудиться трое суток кряду, но уже без всяких видений. А напоследок еще три дня надо будет и работать, и мечтать одновременно. Вот и все.

— Как же все это устроится?

— Чем смогу — помогу. Но многое зависит и от тебя самого... А теперь пора тебе немножко подкрепиться.

С этими словами Старуха встала, прошла в угол за свою кровать и возвратилась оттуда с большим золотистым яйцом в руке. Положив яйцо на сухой вереск, она тщательно укрыла его горячей золой. Затем снова уселась за прялку и принялась расспрашивать Колина об отце, о его овцах, о корове и обо всех-всех домашних делах. Оказалось, что ей известны все подробности его жизни! Наконец женщина наклонилась и, стряхнув пепел с яйца, положила его на тарелку, которую поставила перед Колином.

— Ой, а теперь яйцо сияет как серебряное! — удивился мальчик.

— Это как раз и означает, что оно уже готово, — с улыбкой пояснила Старуха и села напротив.

Да, ничего хоть вполовину такого вкусного Колин отродясь не пробовал! И уж точно никогда и не предполагал, что яйцо может быть настолько питательным: не съев еще и трети, он почувствовал, что уже сыт по уши...

Между тем хозяйка предложила:

— Тебе что-нибудь рассказать, пока ты перекусываешь?

— О да, пожалуйста! — обрадовался мальчик. — Помню, прежде вы рассказывали мне такие замечательные истории!

— Пряха Дженни! — позвала женщина. — У меня закончилось волокно. Принеси-ка еще немного.

В тот же миг из-за кровати вынырнула пестренькая, неяркой расцветки, но довольно крупная курочка поразительно изящных очертаний. Поблескивая умным круглым глазом, она степенно прошествовала через комнату, ставя на пол свои лапки так изысканно и важно, словно первейшая матрона (какою она, вероятно, и была). И остановившись у выхода, с достоинством сообщила:

— Клек-клек...

— Ах да, дверь-то закрыта... Верно ведь? — улыбнулась слепая хозяйка.

— Позвольте мне отворить ей, — предложил Колин.

— Сделай милость, дорогой.

— Ой, а что это за белые пушистые штуки? — изумился мальчик, увидев за порогом пышно разросшиеся темные травянистые кусты с белыми верхушками. Теперь оказалось, что старухина хижина стояла посреди целого цветущего острова этой буйной, роскошной зелени. Да она просто утопала в травах!..

— Это собрались мои овцы, — спокойно ответила женщина. — Сейчас все увидишь.

Тем временем Пряха Дженни вошла в траву и, грациозно вытягивая шею, старательно собирала клювом с верхушек растений белый пух. Когда его скопилось достаточно — столько, сколько можно было унести в клюве, — курочка вернулась в дом, аккуратно опустила собранное на пол, затем отделила от пуха зерна, проглотила их — и тут же отправилась за следующей порцией. Старуха подняла волокно и, прикрепив кудель, придала веретену нужное положение, а затем отпустила его и потянула с прялки ровную нить... Закружившись, веретено вдруг зазвенело всеми цветами радуги. Глядеть на него было одно удовольствие! Каким-то чудесным образом руки прядильщицы из старых и морщинистых вдруг превратились в юные и прекрасные, с длинными тонкими пальцами, которые безос-

тановочно вытягивали пряжу, работая ловко и споро. И они тянули и тянули нить, а веретено все мелькало и крутилось, и курочка продолжала размеренно входить и выходить, принося пух и склевывая зерна; и безмятежный голос женщины все звучал, и одна история сменялась другою...

Колин подумал, что, верно, мог бы просидеть здесь всю жизнь, слушая дивные рассказы хозяйки дома. Иногда ему казалось, что юркое веретено прилежно вытягивало эти истории, словно ровную нить, откуда-то из-за колеса волшебной прялки... Порою — будто искусные пальцы прядильщицы мастерски вплетали их в основу, как тонкие пуховые волокна... Или вдруг виделось, как курица усердно собирала их, обрывая сухие пушистые верхушки высокой, как кусты, длиннолистой травы, и принося их в клюве в дом, и роняя на пол...

Но вот веретено закружилось медленнее и наконец, дрогнув, остановилось. Пальцы женщины выпустили нить, курица направилась отдыхать в свое убежище за кровать, и голос слепой рассказчицы смолк.

— Мне, кажется, пора идти, — очнувшись, вздохнул Колин.

— Да, пора, — подтвердила Старуха.

— Пожалуйста, объясните мне, что значит грезить три дня без сна.

— Эта часть твоего испытания уже позади, — промолвила хозяйка. — Она только что завершилась. Я же обещала тебе помочь, чем смогу.

— Значит, я пробыл у вас три дня? — изумился Колин.

— И три ночи тоже. И я, и Пряха Дженни страшно устали и хотим спать. Видишь, Дженни снесла три яйца — вот они здесь лежат рядом с тобою. Поторопись, мой мальчик.

— Пожалуйста, посоветуйте мне, что делать дальше, — попросил Колин.

— Пряха Дженни выведет тебя на дорогу. По ней доберешься до нужного места и передашь тому, кого там встретишь, вот что. Скажи ему: Старуха с веретеном желает, чтобы Гору Тяжких Костей подняли на ярд повыше, а дымоход от жаровни направили прямо под бесплодные мхи на краю болота у Истощенного Камня... Дженни, покажи Колину путь.

С сердитым клекотом Дженни вышла из угла и уверенно повела мальчика через вересковую пустошь по еле заметной, но, видимо, хорошо знакомой ей тропке, которую, кажется, способна найти была только курица. Внезапно провожатая развернулась и, оставив Колина в одиночестве, безмолвно отправилась назад, к хижине.

Глава четвертая

ЧЕРНЫЙ КУЗНЕЦ-ВЕЛИКАН

Почти наугад находя в зарослях вереска тропинку, будто едва намеченную куриними лапками, Колин шел по ней до самого заката солнца. Уже в сумерках где-то впереди он увидел смутное мерцание. Это был первый знак чудесной помощи с тех пор, как Пряха Дженни покинула Колина в дикой выморочной и пустынной местности, и он особенно обрадовал мальчика. Ориентируясь по слабым проблескам света, к ночи он добрался наконец до продыmlенной кузницы. А там, заглянув в полуоткрытую дверь, обнаружил огромного горбатого Кузнеца, который работал двумя молотами, держа их по одному в каждой руке.

Увидев Колина, Великан как-то плотоядно усмехнулся и пророкотал:

— Входи, входи. Моим малышам ты понравишься...

Это было настоящее чудовище, с огромной заячьей губой и с багровым шаром вместо носа. Что бы он ни делал — говорил ли, смеялся или чихал, — могучие ручищи ни на мгновение не прекращали работы. Частые искры летели Кузнецу в

лицо, по всякий раз он ловко захватывал их своими сверкающими глазами цвета полустывшего угля — то одним, то другим; и чем больше искр попадало в ненасытные эти глаза, тем ярче сияли угольные зрачки исполина. В тот миг, когда вошел Колин, горбатый мастер перенес громадный кусок железа из горна и, используя оба молота, так приналег на работу за наковальней, что совершенно скрылся в клубах горячих искр.

А вот Колину пришлось поскорее крепко зажмуриться и отскочить в сторону. Хорошо еще, что ему удалось легко отделаться — всего лишь несколькими ожогами на лице и руках.

Кузнец молотил по железу до тех пор, пока оно, остыв, не стало почти черным. Тогда Великан снова положил его в огонь и, обернувшись, выкрикнул во тьму череду страшных имен:

— Сюда спешите, Прыщ, Слюнтяй, Косматый, Камнепад, Задвигун, Колотун, Спотыкун, Мучитель!.. Мышеловец, Клякса, Картофельная Пасть и Хмурый Палач!..

В ответ на зов его один за другим безобразные карлики вывалились в кузню из дымохода в углу, где рычало пламя. Они столпились вокруг Колина и принялись увлеченно корчить отвратительные рожи, одна другой страшнее, и плевать в незваного пришельца огнем. Некоторое время мальчик старался сохранять полную невозмутимость. Однако когда один из злобных уродцев больно ущипнул его своими корявыми когтями, Колин не удержался и изо всех сил заехал тому по уху.

О, что это была за боль!.. Колину показалось, что рука его разлетается на мелкие кусочки! Это был шок, а голова — его собственная голова! — зазвенела и закачалась, словно пустой железный горшок на шесте.

— Но-но, юноша! — прикрикнул Кузнец. — Убери-ка свои кулаки от моих ребят!

— В таком случае скажите им, чтобы сами меня не трогали, — огрызнулся Колин.

Сосредоточившись и с трудом преодолев гудение в голове, мальчик попытался восстановить в памяти послание, которое требовалось передать столь любезным хозяевам по поручению Старухи из хижины, напоминавшей улей. Тем временем карлики, собравшись гурьбою, снова начали подбираться к нему, а их взгляды засверкали еще более мерзко и кровожадно. Колин понял: мешкать некогда — и все еще сердито добавил:

— Ну вы, чертово отродье!.. Вот уж я не собираюсь больше терпеть ваши гнусные выходки! Немедленно принимайтесь за свою работу. Старуха с веретеном велела вам поднять Гору Тяжких Костей на ярд выше и подвести дымоход от жаровни прямо под бесплодное болото у Истощенного Камня!..

В ту же секунду карлики исчезли в трубе дымохода. Еще через миг кузница вздрогнула до самого своего основания. Кузнец, однако, не обратил на это особого внимания, только заработал еще быстрее. Затем послышался страшный грохот, раздался треск — и сильнейший толчок сбил Колина с ног. Кузнец пошатнулся, но своих молотов не выронил и даже не пропустил ни одного удара по наковальне.

— Мои сорванцы вечно норовят все испортить, — проворчал он. Потом, повернувшись к Колину, сказал: — А вы, сэр, возьмитесь-ка вот за этот молоток, поменьше. Здесь не место для бездельников. Работать не будешь — так тебя и растерзают в одно мгновение.

И тут из дымохода вырвался мощный порыв горячего ветра, который выдул весь огонь из горна прямо в центр кузницы. Кузнец, нахмурившись, бросился к развороченному горну и в одно мгновение исчез из вида. Вскоре он вернулся с одним из зловредных «малюток» под мышкой. Тот усердно пинался и пронзительно

визжал. Великан уложил безобразную голову карлика прямо на наковальню, и держал пленника там за шею и, выдохнув, нанес ему сокрушительный удар чуть выше уха своим громадным молотом. Молот со звоном отскочил, карлик дико взвыл, и Кузнец швырнул провинившегося в горячий дымоход, приговаривая:

— Ну-ка, остынь, парень! Похоже, сейчас это единственный способ тебе услужить, Слюнтяй... В другой раз, надо думать, будешь осторожней.

И тут же, быстро подняв с пола второй молот, Великан обратился к Колину:

— А теперь, юноша, нам пора за работу. Старайся успевать ударить своим молотком в очередь после каждого из моих ударов — и с тобою будет все в порядке. Но если остановишься или пропустишь очередной удар, не мне придется отвечать за последствия перед Старухой с веретеном!

Колин молча поднял небольшой молоток, на который указал ему Кузнец, и принялся за дело, пытаясь исполнять свою часть работы как можно лучше. Мальчик старался изо всех сил, однако вскоре понял, что прежде он ни в малейшей степени не представлял себе, что такое настоящий труд. Словно играючи стучал по наковальне двумя тяжеленными молотами Кузнец-Великан, а все, что удавалось Колину, так это бить по раскаленной заготовке маленьким молоточком, крепко сжимая его обеими руками. И требовалось невероятное напряжение всех его детских сил для того, чтобы без опозданий отвечать ударом на удар Кузнеца...

Однажды Колин зазевался и молот Кузнеца обрушился на верхнюю часть молотка, находящегося в руках у мальчика, вмиг расплющив стальную болванку на наковальне, как тонкий лист! Рукоять же от молоточка, пролетев через всю кузницу, впечаталась в стенку, словно выброшенное из пушки ядро.

— Я же тебя предупреждал, — с укором произнес Кузнец. — Вот другой молоток, держи. И поворачивайся поскорее, не то мои малыши соскучатся по тебе да и по мне тоже задолго до того, как поднимут Гору Тяжких Костей хоть на полфута вверх...

Будто таинственным образом услышав слова Великана, в тот же миг самый большеголовый из семейства карликов вынырнул из дымохода.

— Шестифутовые клинья и трехъярдовый железный лом, срочно! — потребовал он. — Иначе Тяжкие Кости вот-вот придавят всем своим весом наши бедные косточки...

Кузнец поспешил за горн и вынес оттуда длинный железный брус толщиной около трех дюймов. Отделив от него кусок в три ярда, он поместил конец в огонь, подул мощно и властно — и извлек заготовку из печи: уже белую, как бумага, и пышущую жаром. Они с Колином трудились над ломом до тех пор, пока один конец бруска не стал плоским и острым, как лезвие, которое Кузнец, прищурившись, смерил на глаз и точным движением слегка подогнул кверху. Подавая готовый инструмент большеголовому карлику, он сказал:

— Вот лом, возьми, Плевок, и беги с ним поскорее. А клинья будут готовы, как вернешься.

И не медля более ни секунды, они принялись за клинья.

Колин трудился за троих. Прежде он и понятия не имел, что умеет так работать. Никакого отдыха, кроме краткой передышки, когда Кузнец отходил к горну за новым раскаленным бруском! И еще, к собственному изумлению, Колин обнаружил, что чем больше он работал — тем сильнее, казалось, становился. Слабость, изнеможение — все отступало раз за разом, удар за ударом. И вместо того чтобы, обессилев, опустить руки, в мгновения роздыха Колин собирался с духом — и силы опять прибывали откуда-то, и ему хотелось снова и снова с полной отдачей заниматься нелегким кузнечным делом: ковать, формовать... Мальчик с радостью ощущал, что вырос чуть ли не вдвое с тех пор, как взял в руки молот. А карлики все продолжали вбегать и выбегать, требуя то одно, то другое. Колин поду-

мал: если они и в самом деле используют все эти инструменты по назначению, трудиться беднякам придется достаточно тяжело. Жаркая суета, волнами поднимавшаяся в кузнице, свидетельствовала об их чертовски напряженных усилиях, причем где-то совсем неподалеку. И чем дольше мальчик и Великан работали вместе, тем дружелюбнее становился последний. Наконец Кузнец произнес (всякий раз слова как будто добавляли крепости его и так невероятно могучим ударам):

— Хотел бы я знать, для чего Старухе понадобилось вносить улучшения в устройство болота у Источенного Камня? С чего это вдруг она решила укрепить и утолщить его основание?

— Я и не знал, что она собиралась как-то его улучшать, — честно признался Колин.

— Ну это же ясно как день. Во-первых, Гору Тяжких Костей требуется на ярд поднять. Это для того, чтобы направить порывы северо-восточных ветров поверх Горы — так они не затронут болота. Потом, Старуха хочет, чтобы под влажным торфяным основанием болота проходил горячий дымоход... Все просто, как молоток! Ты ведь, я уверен, просил ее как-то помочь тебе? Уж я то ее хорошо знаю: вечно она старается для людей, а мои старые кости заставляет скрипеть от натуги...

— Не заметно, чтобы вас это слишком занимало, сэр, — осторожно заметил Колин.

— Еще чего, — буркнул Кузнец, сопроводив свои слова ударом, который вогнал наковальню в землю чуть ли не наполовину, и потом Великану пришлось немало потрудиться, чтобы снова извлечь ее оттуда. — Но мне надо знать, что еще у Старухи на уме.

Тогда Колин рассказал Кузнецу все, что знал о намерениях старой хозяйки хижины, но эта история, конечно, в основном отражала его собственный взгляд на вещи.

— Понимаю, понимаю, — кивнул тем не менее Кузнец. — Это все призрачный лунный свет... Придется нам постараться и во что бы то ни стало сделать все, что велит Старуха. Ну, теперь моя очередь поддержать тебя, ведь ты хорошо работал. Когда покинешь кузницу, иди прямо к болоту у Источенного Камня. Выбери самое высокое его место; очерти там круг трех ярдов в поперечнике и вырой по окружности узкую канавку; я дам тебе лопату. Все время оставайся внутри круга. На закате первого дня из земли пробьется виноградная лоза. Ближе к концу второго она покроет землю по всей поверхности круга. А на исходе третьего созреет темный виноград. Выжимай виноградины по одной в бутылку — ее я тебе тоже дам — до тех пор, пока сосуд не наполнится доверху. Тогда поплотнее закупорь его, и к тому времени, когда Королева фей явится за напитком, это и будет Карачун.

— О, спасибо, спасибо вам! — радостно воскликнул Колин. — А когда мне можно будет уйти?

— Как только ребята поднимут Гору Тяжких Костей и направят дымоход под лишайники болота. До той поры смысла нет.

— Что ж, я готов продолжать работу, — отозвался Колин и устремился к наковальне.

Через минуту-другую вошел карлик по имени Слюнтяй, чью голову отец-Кузнец так основательно подправил молотком, и вежливо сообщил:

— Все в порядке, сэр. Малыши собирают инструменты, а потом — сразу ужинать.

— Вы уверены, что подняли Гору хотя бы на ярд? — спросил Кузнец.

— Соня говорит, что даже на полдюйма повыше ярда. А Ворчун считает, что на три четверти дюйма. Но разве это так уж важно?

— Нет, думаю, не слишком. Но приятно быть точным... А дымоход готов?

— Да, часть его нам удалось сделать. Еще когда поднимали Гору.

— Прекрасно. А как твоя голова?

— Звенит немножко.

— Пусть она прозвенит тебе строгое предупреждение на будущее, Слюнтяй.

— Да, сэр.

— Ну, маленький мастер, теперь можешь уходить, как только пожелаешь, — обратился Кузнец к Колину. — Стыдно сказать, но у нас нечем тебя накормить.

— Пустяки, я не слишком голоден. Только Старуха с веретеном говорила, что мне надо еще поработать трое суток без всяких видений...

— Конечно. Но ведь тебе и некогда было мечтать тут, у нас?..

И Кузнец-Великан, задав вопрос, свирепо взглянул на мальчика и угрожающе поднял молот, словно, если что не так, не в шутку предполагал немедленно услужить Колину тем же способом, что и Слюнтяю.

— Нет-нет, что вы, какие мечты! Ни за что не получилось бы, — отвечал Колин. И с уважением добавил: — Вы хорошенько об этом позаботились, сэр.

Кузнец наконец-то улыбнулся.

— Ну тогда вперед! — сказал он. — Значит, все в порядке.

— Но ведь я проработал только...

— Целых три дня да еще три ночи, — с улыбкой перебил Кузнец. — Так что беспокоиться не о чем. Не будь этого, мальчишки уже позаботились бы о тебе... А теперь держи свою лопату. И бутылку не забудь, мастер.

Глава пятая

ВИНОГРАДНИК ВО МХАХ

Больше намеков Колину не требовалось, и он выскочил из кузницы, не задерживаясь ни на миг. Схватившись было, он обернулся, чтобы подробнее расспросить про дорогу, — но его глаза не увидели ничего, кроме большой кучи болотного торфа, собранного кем-то и, очевидно, оставленного здесь на просушку.

«А не оказался ли я ненароком прямо на болоте у Истощенного Камня?!» — с тайной надеждой подумал мальчик.

Солнце тихо клонилось к закату. Попробовать, что ли, дотемна поискать тут самую высокую точку? Придя к такому решению, Колин двинулся вверх по склону и через некоторое время достиг приметного возвышения, откуда видны были все окрестности далеко вокруг. Мальчик огляделся: с северо-востока высился пик — не иначе как Гора Тяжких Костей! Посматривает на него вон как гордо, сверху вниз, того и гляди придавит своим бременем!.. А здесь, у самых ног его, лежит одно из яиц, снесенных хлопотливой Пряхой Джени, яркое, как серебро. Да вот и крошечная тропка, протоптанная, процарапанная лапками курицы. Она легкими штрихами, словно намечая, очерчивает круг на земле — как раз такого размера, что велел нарисовать Кузнец.

Колин сразу принялся за дело. Для начала, усевшись в центр еле заметного круга, съел яйцо — подарок Джени, — а затем старательно прокопал по краю окружности узкую, но глубокую канавку, превратившую возвышение, на котором он находился, в маленький островок.

Три дня, проведенные здесь Колином, были счастливейшими днями его жизни. Он ясным умом осознавал и чистым сердцем искренне принимал все, что делал и придумывал сам, и в то же время мальчик чувствовал: он всем существом своим сросся с окружающим миром. Колину стало ясно, что такое тростник и почему цветок его появляется, выпуская стрелку именно с этой стороны; и отчего

она снаружи красновато-коричневого цвета крови, а ее нежная пушистая серединка — белая; и зачем плотные кожистые листья зелены. Грезя, ребенок говорил себе: «Да, если б я был тростником, именно так я и рос бы, и так бы цвел...» И он понимал, каково это: выжить вереску с его прохладными, глубоко уходящими в безжизненную болотную гниль корнями и с ломкой полупрозрачной кроной, усыпанной хрупкими пурпурными колокольчиками... Душа Колина ощущала себя сродни выглядевшим вполне разумными хлопковым зарослям — тем, которые Старуха из хижины называла своим овечьим стадом. И почему-то казалось, что теперь ему из себя самого прядь за прядью надо вытягивать длинную белую хлопковую бороду — волокнистую основу, из которой слепая провидица, сидя у огня, плела бы, сучила свою нить... И он точно знал, для чего нужна была эта нить: из нее свивается мягкая белая ткань, из какой шьют потом ночные одеяния для всех добрых людей, что отойдут к смерти как ко сну. Потому что всякий славный человек, на котором надеты светлые погребальные одежды, сотканые Старухой, никогда не умирает: грезя в прохладе и отдаваясь течению удивительных неторопливых мечтаний, он лежит там, на своем ложе — до тех пор, пока мир не пройдет и не настанет время человеку восстать снова и принять участие в Творении...

Кожу Колина оведал свежий ветер, играющий с каждой былинкой травы, с каждым виноградным листом в его очарованном круге. Он чувствовал токи тепла, что поднимались от горячего подземного дымохода, созерцал игру туманных болотных испарений и предвосхищал заветное мгновение, когда лоза должна будет проклонуться из земли; он вместе с нею собирал живые соки и направлял их вверх, от корней к гроздьям... И все это время ему мнилось, что он по-прежнему находится дома — как обычно, присматривает за коровой, готовит ужин отцу или читает, сидя у камина в ожидании его возвращения с пастбища.

И настал вечер третьего дня. Колин отжал истекающие соком черно-красные виноградины в темную бутылку, крепко закупорил ее, положил лопату на плечо и направился к дому. Его ориентиром в пути была дальняя, неправильной формы вершина холма, которую он узнал на расстоянии. Пройдя всю ночь при свете луны, поутру мальчик добрался до места, которое уже было ему совершенно точно знакомо, и, спустившись оттуда вниз по течению ручья, поспешил домой.

Он встретил отца — тот отправлялся на пастбище с овцами и несказанно обрадовался, увидев Колина живым и невредимым, так как страшно о нем беспокоился. В те давние времена легче, чем теперь, верили в чудеса, и, после того, как мальчик рассказал обо всем, что пережил и передумал в период своих девятидневных странствий, пастух не посмеялся над Колином, а, напротив, крепко задумался, идя с отарой на холмы. Проводив отца, Колин заторопился в дом, где за время его отсутствия накопилась тьма работы. Мальчик заботливо уложил бутылку в сундучок со своими праздничными воскресными одеждами и принялся за привычные домашние дела так же, как бывало и прежде.

Таинственный ручей все еще весело струился через их жилище. Но, несмотря на то, что Колин упорно наблюдал за ним допоздна каждую ночь, специально дожидаясь времени, когда в окна домика вовсю светит луна, волшебный флот все не прибывал, и маленькие парусники не мерцали мокрыми бортами в лунных бликах, и в прихотливом течении потока не танцевали верткие легкие лодочки.

Вот уже и осень пришла, и холодные туманы стали подниматься над водою и бродить по комнате... И Колин повернул ручей обратно в его старое русло, заделал бреши в стенах и заложил глиной узкий канал в полу, торопясь успеть до начала близких и суровых зимних бурь.

Такой тяжелой зимы он еще не помнил. Колин чувствовал какую-то усталость и непонятную грусть. Он не мог удержаться от постоянных раздумий о печаль-

ной судьбе маленькой девочки, пленницы фей. Размышляя о том, как, должно быть, ей теперь холодно и одиноко, он представлял, как малышка, наверное, говорит себе: «Жаль, что Колин не был хоть чуточку умнее. Тогда б он меня не потерял...»

Глава шестая ПОСЛЕДСТВИЯ

Наконец пришла весна, а после весны — лето. В первый же теплый день Колин взял лопату и кирку — и вновь ручей устремился в низину через домик, на все лады распевая и резвясь. Восторг Колина был неопишуем. Мальчик снова увлеченно смотрел ногами на поток, хотя ни луны, ни сказочной флотилии не было.

Больше недели минуло со дня возвращения потока в дом. Наконец на девятую ночь, как будто задремав, Колин опять открыл глаза и с новой силою преисполнился ожиданием.

Вот оно!.. Мгновение — и комната озарилась мерцающим лунным светом и волшебным сиянием!.. Крохотные лодочки снова покачивались на воде, а Королева в сопровождении всей своей свиты высаживалась на берег, и феи уже принялись изящно пританцовывать на глиняном полу...

Колин времени даром не терял.

— Королева, а Королева! — обратился он к надменной фее. — Я принес Вам Карачун, целую бутыл!

Танец мгновенно прекратился, и Королева легко вскочила на краешек кровати, где лежал мальчик:

— Не выношу взгляда твоих пристальных безобразно-громадных глаз... Надо избавиться от него, прежде чем вступать с тобою в разговор.

И она, как когда-то, возложила свой магический камышовый жезл на веки Колина, после чего тот увидел фей шестеро большими по размеру, чем прежде. Повелительница высокомерно продолжала:

— Где Карачун?.. Давай его сюда!

— Он у меня в сундуке под кроватью. Если Ваше Величество отойдет в сторонку, я вам его достану.

Королева спрыгнула на пол, и Колин, привычно соскользнув с постели, выдвинул свой небольшой сундучок и достал заветную бутыл.

— Вот она, Ваше Величество, — произнес мальчик, но не предложил бутыл Королеве.

— Сейчас же отдай ее мне! — потребовала Королева, протягивая руку.

— Сначала Вы вернете мне девочку! — дерзко возразил Колин.

— Да как ты, юнец, смеешь торговаться со мной?! — разозлилась Королева.

— Ваше Величество изволили начать со мною торг первой, — невозмутимо парировал Колин.

— Но ты-то после этого попытался всем нам свернуть шею! Ты же соорудил отвратительный, мерзкий водопад на противоположной стороне вашего садика!.. Наши корабли разлетелись в щепки, да и сами мы едва спаслись! Вдобавок потом еще пришлось ожидать, когда приведут наших лошадей... Если б я разбилась, ты уже никогда не смог бы вступить со мною в сделку, и некому было бы теперь предлагать свои условия!

— Я вижу, Вам больше по вкусу головоломный спуск по моему водопаду, — заключил Колин.

— Твой водопад!.. — возмущенно взвизгнула Королева. — Да что ты несешь?! Все воды, истекающие из Одинокого Озера, да будет тебе известно, принадлежат

только мне — мне и никому больше! Все потоки, все водные пути и ручьи, все до самого океана — мои, уж поверь!

— Кроме тех мест, где ручьи протекают через территорию ферм, Ваше Величество.

— Я выдворю тебя из страны! — пригрозила фея.

— В таком случае, я снова убираю бутылку в ящик, — сообщил Колин и сделал шаг к сундучку.

— Ко мне Игрушку, быстрее!.. — злым голосом приказала придворным вконец раздосадованная повелительница.

Подталкиваемая тычками фей, несчастная малышка тихо подошла к ней, остановилась чуть сзади и со слезами на глазах взглянула прямо на Колина.

— Дай-ка мне твою руку, крошка, — мягко произнес Колин, подавая девочке свою.

Она повиновалась. Рука была холодная как лед.

— Отпусти ее сейчас же! — приказала Королева.

— Не отпущу, — возразил мальчик, — она моя.

— Тогда отдавай мне бутылку! — потребовала фея.

— Не... делай этого... — запнувшись, вымолвила девочка.

Но было поздно: бутылка с Карачуном оказалась в руках у повелительницы фей.

— А теперь держи свою девчонку! — удовлетворенно крикнула фея и издевательски расхохоталась.

— Да, держи, держи меня крепче, — всхлипнула малышка, — ты держишьшшш?..

Ее плач потонул в шипении. Колин почувствовал, что сжимает в кулаке что-то скользкое и извивающееся, и, глянув вниз, обнаружил вместо маленьких детских пальчиков корчащегося в руке огромного землисто-серого червя.

— Если это даже змея, я ее задушу, — прошептал он. — А если это девочка, я ее удержу.

В тот же миг червь-змея превратилась в белого крольчонка, который жалобно смотрел мальчику в лицо и пытался вырвать свои передние лапки из жесткого захвата. Но хотя Колин и старался по возможности не причинять зверьку боли, лапок он не отпустил. Тогда кролик превратился в громадную, как пантера, черную кошку с глазами, пылающими зеленым огнем. Она яростно шипела, изгибалась, била хвостом, но тщетно: мальчик держал крепко. Потом кошка стала лесной голубкой, которая трепетала, и пугливо вспархивала, и металась, пробуя освободить свое крыло из руки Колина. Однако он еще крепче сцепил пальцы...

Все это время, пока продолжалась череда волшебных превращений маленькой девочки, Королева безуспешно пыталась вытащить пробку из бутылки. И вот настал момент, когда пробка наконец поддавалась ее усилиям... Но тут драгоценный сосуд выскользнул из рук Королевы — и, вскрикнув горестно и пронзительно, гордая фея, владычица водных путей, замертво упала на темный глиняный пол. Карачун застрял по утрамбованной глине, и странный аромат наполнил домик.

Придя в себя после глубокого обморока, Королева медленно поднялась и оттолкнула руки поддерживавших ее придворных. Трепеща и вздрагивая, стояла она над опрокинутой бутылкой, и весь двор капризной повелительницы, приблизившись к ней, тоже всхлипывал и дрожал, и юные прекрасные лица сказочных существ с каждым мгновением изменялись, становясь все более старыми и морщинистыми...

Первой пришла в себя Королева. Согнувшись и пошатываясь от слабости, как старуха, она молча направилась к лодкам, и одряхлевшие вмиг придворные безмолвно последовали за нею, хромя и содрогаясь, с искаженными лицами и потухшими глазами...

Колин застыл, глядя в немом изумлении на таинственные метаморфозы. Он все еще видел их здесь, рядом, всей гурьбой возвращавшихся восвояси ни с чем, и в то же время слышал за стенами домика смутный затухающий шум — и казалось, что вдаль уходила большая компания: множество женщин и мужчин, безудержно о чем-то рыдавших...

Они поплыли вниз по ручью. Обессиленные гребцы, бросив весла, сгибались в горьком плаче, позволяя лодкам свободно дрейфовать по течению.

Вся флотилия исчезла из виду, словно растворилась в неверном лунном свете, и лишь ненадолго звук водопада, принесенный ночным ветром, казалось, стал громче, чем прежде... Но — увы! — когда Колин очнулся от грез, то обнаружил, что рука его невольно разжалась и лесная голубка упорхнула. Делать было ничего, разве что приказать себе немедленно уснуть, ни о чем не думая больше, — он умел это делать. И Колин заставил себя провалиться в сон.

Утром мальчик поднялся с постели совершенно разбитый и с трудом принялся за домашние дела. Но в тот миг, когда он вошел в коровник, мир снова засиял красками жизни: рядом с рыжей коровой на скамеечке для дойки молока поджав босые ножки сидела чудесная малышка. Сидела в одном белом платице — и тихо плакала.

— Я так замерзла, — пожаловалась она, всхлипнув.

Колин подхватил ее на руки, вбежал с драгоценной ношей в дом, уложил девочку в постель и принес от коровы чашку парного молока. Бедняжка выпила его с жадностью изголодавшегося котенка, опустила голову на подушку и крепко уснула. Колин заметил, что, хотя девочке было, по ее собственным подсчетам, около восьми лет от роду, лицо ее казалось младенческим, едва ли старше по виду, чем у восьмимесячного ребенка.

Вернувшись домой, отец в недоумении застыл, увидев дитя, лежащее в кровати. Колин поведал ему о случившемся. В ответ отец рассказал мальчику, что встретил сегодня поутру цыганский табор, странствующий по холмам.

— Ты всегда был мечтателем, Колин, даже когда и говорить-то толком еще не умел, — улыбнулся пастух.

— Но разве ты не чувствуешь запаха Карачуна в доме?

— И правда, аромат очень приятный, — согласно кивнул отец. — Наверное, это пахнут желтофиоли, вьющиеся по садовой ограде. Сколько цветов на них в этом году!.. Думаю, и в сказочной стране фей нет ничего нежнее. А, Колин?..

Мальчик не стал возражать.

Малышка проспала три дня подряд. И еще три дня она не произносила ни звука, кроме жалобного: «Мне так холодно, холодно!..» Потом девочка начала потихоньку оживать и обращать внимание на то, что происходит вокруг нее. Три недели она ничего не могла есть и лишь пила парное молоко, ни за что не соглашаясь выйти из теплого угла рядом с дымоходом; по прошествии еще некоторого времени начала понемногу помогать Колину в домашней работе, и, когда молчаливая крошка хлопотала по дому, лицо ее становилось раз от разу все более осмысленным. Девочка делала заметные успехи и месяца через три научилась вести хозяйство не хуже Колина, притом по-женски опрятно. Теперь Колин иногда давал ей задания на весь день и мог уйти с отцом на холмы пасти овец: пора уж было и ему осваивать пастушье дело.

Года три так все и шло. И Фея, как ласково прозвали девочку, росла и хороше-ла, все взрослея и умнея... и с каждым днем все больше заглядываясь на Колина. На исходе третьего года отец решил отослать сына в школу, где работал его старинный друг, школьный учитель. Тревожная мысль о том, что Фея, оставшись без его защиты, может подвергнуться опасности, ни на миг не покидала мальчика, и перед отъездом он заставил подружку дать твердое обещание никогда не под-

ходить к ручью после заката солнца. Колин вернул поток в старое русло еще в тот день, когда Фея чудесным образом нашлась в яслях, заплаканная и замерзшая. Теперь же, поручая ее заботам отца, он попросил его особенно тщательно присматривать за девочкой в дни полной луны, потому что в эти периоды Фея становилась беспокойной и странно молчаливой, и ее серо-зеленые глаза, казалось, видели что-то недоступное другим...

Прошло еще три года. По завершении учебы в школе Колин собрался домой, но учитель не отпустил его, настояв на том, чтобы способный юноша окончил еще и колледж. В колледже сын пастуха также пробыл три года.

Воротившись наконец в родной дом, юноша увидел Фею — и изумился. Ее развившийся ум и удивительная хрупкая красота до глубины души поразили его, и он отчаянно влюбился в девушку. Что ж до самой Феи, то она давно знала, что сердце ее без остатка принадлежит только Колину. Она любила его всегда, с первой их встречи... нет, даже с рождения или еще до него; как долго — она не помнила. И пастух согласился благословить их брак при условии, что свадьба состоится сразу же после того, как у Колина будет свой дом, куда можно привести молодую жену. Отцовы доводы были разумны. Колин отправился в Лондон. Там он без устали напряженно работал, чтобы скопить денег, которых было бы достаточно на покупку дома. Наконец, приобретя в Девоншире маленький коттедж, он постарался все устроить там как можно лучше для семьи.

Молодые выехали на новое место жительства сразу после свадьбы, и Колин радовался, что увозит жену от опасного соседства с повелительницей фей, на которую ни в чем нельзя было положиться.

Глава седьмая ФЕИ В ИЗГНАНИИ

Надо признаться, феи безобразничали, и уже довольно долго. Они, бывало, дерзко и противоестественно жестоко шутили над людьми. А что хуже всего — воровали детей, подчиняясь собственной прихоти, в упоении от творимого злодейства, с особым удовольствием попирая родительские права и до смерти пугая малюток даже в колыбели! Вершиной нравственного падения фей стало их упорное нежелание держать собственное слово. Они стремились добиться своего с помощью всевозможных уловок, хитростей и трюков, а для достижения самых низменных, лживых целей пользовались словоблудием, при обмане беззастенчиво опираясь на фальшивую логику.

Таких беззаконий не случалось до той поры, пока Королева фей не сподобилась столь постыдным способом раздобыть Карачун... Наверное, не нужно судить ее слишком строго, ведь царственная повелительница была ничем не хуже Евы, рожденной от Адамова ребра: и та тоже, возможно, была бы счастлива, живи она как следует... Но любопытство сжигало легкомысленную Королеву фей — так же, как некогда и ее сестру из рода человеческого. А потому, узнав о существовании чудодейственного Карачуна и о многочисленных его дивных достоинствах, она начала активные поиски напитка. Королева так надеялась, что обладание волшебным эликсиром остановит череду неудач и поток невзгод, обрушившихся в последние времена на нее и на подвластный ей народ! И она решила не жалеть ни сил, ни средств — но завладеть Карачуном.

Чего только фея не предпринимала! Увы, сто лет все старания были напрасны. И вот она с помощью Колина обманным путем достигла желанной цели... Однако повелительнице фей и в голову не приходило, что необыкновенные свойства чудесного вина действовали благотворно лишь на тех, кто по сути своей был блг —

творил добро, был светел душою и чистосердечен; злых же и бесчестных настигла кара, сокрытая в грозном названии «Карачун». А потому, как только заветная бутылка с драгоценной влагой оказалась раскупорена и весь королевский двор во главе с коварной своей правительницей надышался опасными парами напитка, хитроумные феи получили по заслугам. Вместо того чтобы приобрести давно предвкушаемое ими блаженство, они неожиданно для себя одряхтели, превратились в больных и безутешных стариков и старух.

С той поры как в ужасную лунную ночь многочисленное племя внезапно составившихся фей удалилось нестройной толпой из домика пастуха в Шотландии, рыдая и сетуя на судьбу, Колин больше не видел их. Да и откуда ж ему было знать, что если злые козни какой-нибудь феи достигают некоего предела, то на весь ее род по воле Провидения обрушивается страшное наказание?.. А именно это и произошло, и все племя фей было вынуждено оставить страну, где долгие сотни лет жили бесчисленные поколения их предков. Им пришлось бросить знакомые места, где родились они сами и где росли их дети, покинуть милый сердцу край и отправиться странствовать по свету, томясь, подчиняясь духу внутреннего беспокойства, жажде успеха и какой-то смутной неудовлетворенности — эта болезненная страсть гнала их с места на место.

Но не могли феи преодолеть своей тоски по навек оставленной ими родной земле, как никогда не умели и остановить себя в своих желаниях вовремя, чтобы вернуться назад. Им казалось, что окончательное решение всегда можно отложить и на завтрашний день. Но приходило завтра — и ничего не менялось, и возвращение снова отодвигалось на новый срок. И так длилось до тех пор, пока феи не набредали — о нет, не на свой старый дом! — на место своей гибели. Там беспокойство на время словно оставляло их: прекращало мучить несовершенство встреченных пейзажей, не раздражала больше изменчивость чужих небес — и истомленные странники понимали, что могут здесь остаться...

Неполное, несовершенное это успокоение основывалось не на осознании своей гармонии с обретенным новым домом, не на удовлетворенности климатом и местностью — оно было лишь следствием свершившейся духовной смерти, глухого безразличия ко всему на свете. Только это и мешало феям двигаться дальше. Племя оседало на новом месте лишь для того, чтобы оплакивать свою горькую судьбу и тосковать по утраченной родине.

Вечное недовольство фей не обязательно бывало связано с тем, что страна, в которую они прибыли, оказывалась бедна природными красотами или климат ее был невыносимо суров — отнюдь нет. То есть случалось, конечно, и подобное, но бывало и наоборот. Просто это была чужая страна — и они, пришельцы, в ней тоже оставались чужими и чувствовали себя именно пришлыми, органически чуждыми новому краю... И это возмездие почти всегда настигало фей, ведь они не желали искать причину собственных несчастий в себе, а винили в них весь окружающий мир. А потому пыткой для фей простенького колокольчика оказывалась необходимость жить, например, в благоухающем гиацинте. И страдание это было подобно тем, которым подвергают себя многие человеческие существа, претерпевающие свою жизнь как муку, как наказание от рождения до смерти. И не было и нет для любого племени фей кары страшнее, чем жить в стране, абсолютно не похожей на край, в котором и для которого оно было рождено. Ведь родина так же дорога для всего народа, как любимый цветок — для каждой феи в отдельности. И для юного поколения легконового лунного народца именно о ней, о единственной земле обетованной правителем, стоящим во главе племени — Король или Королева фей, каждый в свой черед, — по обычаю слагает в творческом порыве мелодию новой колыбельной — чудный и незамысловатый напев, который никогда не забывается...

Племени требуются долгое время, чтобы привыкнуть в изгнании, притерпеться к незнакомой местности. Непривычные условия существования заставляют фей поневоле приспособливаться и изменяться, чтобы хоть отчасти суметь почувствовать себя в гармонии с окружающей действительностью и жизненными обстоятельствами. Пусть даже эти обстоятельства — лишь новые названия одежд и растений, но чужеземец редко преуспевает в их знании. Такое наказание своевольным феям непросто перенести: подчинение себя внешним условиям для них неестественно — как, впрочем, неестественно оправдание ими своих бед. И потому характер доброго народца, по природе своей достаточно беспокойный, от резких перемен сильно портится. В этом феи тоже, надо сказать, не столь уж далеки от людей...

«Но тут-то что за беда? — скажут некоторые скептики. — Тяжкой такую кару не сочтешь. Чем плохой удел: быть изгнанным навеки из страны холмов, поросших вереском, и седых голых скал, с которых торопливой рысцой мчатся крохотные ручейки? Зато есть возможность сменить туманный Север, холодный и скудный, на щедрый Южный Девон — край богатых долин, огромных рек и густых лесов у побережья великого древнего океана... Похоже, феи были не такими уж зловредными, коль скоро заслужили столь мягкое возмездие», — так решил бы несведущий судья. Однако тем, кто с этим согласен, следует чаще наблюдать за людьми — просто так, без всякой особенной цели. Тогда ему станет ясно, что в иных случаях именно приобретение огромного богатства бывает самой страшной бедой и главным наказанием всей жизни. И если кто-то этому не верит, тем хуже для него.

По крайней мере, шотландские феи, испытывавшие на себе все тяготы нежеланного изобилия, придерживались иного мнения. Они томились среди буйной роскошной девонской природы, в изгнании они вздыхали и проливали слезы по своей суровой, но милой Шотландии. Под пышной листвой равнин Девоншира, у бескрайнего океана, переливающегося зеленью и пурпуром и хранящего память о кораблях самых разных очертаний... На просторном берегу, утомляющем многоцветьем и изобилием видов живого и неживого — ракушек, рыбок, водорослей, рачков и прочих бесчисленных морских обитателей... Везде и всегда, ежедневно, ежечасно тосковали феи в чужом краю. Они вспоминали чистые, холодные, открытые всем ветрам склоны задумчивых родных холмов или протяженные, с мягкими линиями вересковые просторы; грезили о диком, бурном сером море, что хранило память лишь о судах смелых древних скандинавов, о звучных криках китов и песнях русалок... Их сердца совсем не трогали большие полноводные реки, где отдыхали на рейде исполинские старинные корабли, покрытые шрамами на шумевших сражений. Изгнанникам дороже были скромные уединенные ручьи и веселые говорливые потоки, бегущие с холмов, и берега, поросшие рябинами и березами... Страна, покинутая ими поневоле, возможно, и не показалась бы столь уж прекрасной и полной благодати постороннему взгляду; но для тех, чьей родиной она была, — оставалась единственной, и милее ее было не найти.

В тот день, когда феи оставляют любимый край, с ним тоже происходит что-то необъяснимо-грустное. Слово тень близкой смерти падает на него и окутывает все вокруг. Жизнерадостный путешественник, как и прежде, с удовольствием подставляет разгоряченное лицо ветру — но его дуновение уже не освежает... Наивный ребенок терпеливо бродит в палисаднике у грядки маргариток — но не может найти среди нежных цветочных головок ни одного соцветия с красными кончиками, чтобы украсить им букет, только что любовно собранный им для матери... В первоцветах почему-то вполонину меньше нектара... Осы численностью превосходят пчел... Лошади к ночи возвращаются с поля вконец изнуренные, тяжело, чуть не до самых копыт повесив головы, едва добравшись до ко-

нюшши... Юноши и девушки, правда, все еще счастливы во время свиданий — но дорога к месту встречи и обратно кажется им невыносимо длинной и скучной... Цвет боярышника не так бел и не так красен, как бывало, и темная грубая кора, проглядывающая сквозь поредевшие блеклые ветки, делает куст у перепутья похожим на придорожного оборванца... И день не так согрет солнечным теплом, и ночь не так нежна, как раньше... Одним словом, с уходом фей исчезает нечто, чему нет названия, но без чего душе никогда не найти покоя и удовлетворения. Радость тает, свет меркнет, все надежды, еще не родившись, обречены на неминуемую гибель.

Но и та страна, где находят себе последнее пристанище гонимые феи, увь, не станет ни богаче, ни прекрасней от их присутствия: если там уже есть свои феи, других ей не нужно. Девоншир же с глубокой древности был густо населен феями; племена их жили в этом краю еще со времен финикийцев и даже задолго до них, и наличие местных уроженцев служило постоянным поводом для ссор и раздоров между старожилами и новыми поселенцами. Впрочем, даже если бы там никогда не существовало, все же должны были пройти еще века и века, прежде чем изгнанники смогли бы как-то прижиться, приспособиться к чужому дому. Пока же этого не произойдет, сколько странного, пугающего и непонятного, сколько глупого и нелепого будет твориться в несчастном краю, поневоле облюбованном странствующими феями! Ломая и переделывая себя, они без жалости и сострадания смотрят и на окружающий мир — непривычный, неприветливый к ним, словно посланный в наказание — и сами становятся для него бременем и болезнью, мучая и терзаясь от трагедии взаимной несовместимости...

Конечно, упорный натуралист может при необходимости попытаться вырастить в теплице вьюнок, у нежных колокольчиков которого будет могучая душа увесистого Кентерберийского колокола, что созывает паству к покаянию. Но кому это в радость? Ведь всякое создание живет по своим законам. Так феи-изгнанники, по воле случая избравшие в качестве приюта и убежища случайно же встреченные ими на пути цветы, вдруг решали остаться там — и искренне старались сжиться, срастись с ними — и даже служили им по собственному разумению, изменяя и калеча и их, и себя...

Глава восьмая

МЕСТЬ

К тому времени, как Колин с женою переселились в небольшой коттедж на юге страны, племя фей, изгнанных из Шотландии, уже обитало с ними по соседству на морском побережье в Девоншире. И не столь уж долгий срок понадобился любопытному и несчастному лунному народцу, чтобы разузнать, кто же именно прибыл на жительство в Южный Девон вслед за ними.

В день, когда выяснилось это обстоятельство, был созван большой совет. Вне всякого сомнения, что-то требовалось предпринять, дабы наказать давнего обидчика племени, а вот как именно его покарать — следовало тщательно обсудить. Едва ли не каждый лелеял планы мести, которую для устрашения можно было бы направить на детей...

Но Королева отказалась от излишней жестокости. Быть может, тяготы и лишения сделали ее добрей и сострадательней? Кто знает. Во всяком случае, она предложила племени не принимать поспешных решений и понаблюдать за домашним укладом семьи Колина, на некоторый срок отложив возмездие.

И тогда феи зачастили в домик на ферме, притом порою заявлялись туда большими компаниями. Все же долгое время отомстить обидчику никак не удавалось.

Трое детей Колина — две старшие девочки и трехлетний мальчик — воспринимали все каверзы фей как забавное развлечение, и навредить им не было никакой возможности. Когда хитрый народец, казалось, преуспев в своих уловках, выманивал детей за границы домашних владений, что-нибудь всегда нарушало изощренные планы мстителей. То вдруг, охваченные внезапной паникой, малыши поворачивали назад и неслись к дому со всех ног... То огромная разноцветная бабочка, или чудесная стрекоза, или еще какое-то симпатичное крылатое создание пролетало мимо них в сторону дома — и ребятишки спешили вослед... То ласковый голос матери звал их от дверей...

Но вот час отмщенья настал. Однажды дети затеяли увлекательную игру. Сестры завязали маленькому братцу глаза ленточкой и носили его — то на руках, то усадив к себе на шею — по всем закоулкам фермы. При этом девочки рассказывали малышу придуманные на ходу забавные и страшные истории о невиданных краях и неизведанных странах, по которым они, как уверяли его, путешествовали, бродя по окрестностям усадьбы. В их повествовании, полном феерических вымыслов, все выглядело очень натурально, и мальчик слушал, затаив дыхание. Если вдруг приходилось подниматься вверх по ступенькам, то в фантазиях юных рассказчиц это, конечно, были неровные горные тропки, и взбираться на вершину с ношей на шее оказывалось ой как нелегко!.. Когда же путь снова шел вниз, дети преисполнялись чудесной уверенностью в том, что теперь они спускаются в узкую зеленую долину... Затем, открыв кран у бочки с дождевой водой, они представляли себя путешествующими вдоль берега чистого ручья... А вот бесстрашные маленькие бродяги проникли в самую глубину таинственного великого леса, и тут уж мычание недоеной коровы, доносящееся с ближнего луга, вполне сходило за грозный рык хищного льва или грозного тигра...

Наконец они добрались до воображаемого озера, одинокого и холодного, а в него как будто бы впадал горный поток — и здесь надо было непременно разуться и снять носочки, чтобы не замочить ног при переходе стремнины вброд... И счастливый малыш, улыбаясь и грезя, скользил голыми пяточками по поверхности воды, представляя себя настоящим странником. Сестры, шая, иногда окунали его в воду и брызгали друг на друга то из деревянной бочки с теплой водой для полива, то из большой каменной кадки, что стояла у самого порога, — с питьевой водой, которая использовалась также для всяких домашних нужд. Девочки красочно живописали братцу картины, рожденные их юным свободным воображением, для пущей убедительности пронося его по всем самым необыкновенным, заманчивым, укромным и необычным местам внутри дома и за его дверьми на обширной родительской усадьбе. Рассказывая мальчику, как тяжело им выбираться из глубокой пропасти, сестры действительно карабкались по крутой приставной лестнице, что вела на сеновал. Говоря, что бредут по пустыне, где нет ни одной дорожки и заблудиться ничего не стоит, они и в самом деле выходили на пустырь — таинственный, заросший дикими травами заброшенный участок земли в дальнем конце усадьбы. Устроенный там широкий крытый настил, который в случае необходимости использовался в качестве амбара, со стропилами, спускавшимися по обе стороны покато́й крыши, был идеальным местом для воплощения в жизнь самых невероятных фантазий. Тишина и затхлость, царившие здесь, предельно усиливали ощущение одиночества и острое чувство покинутости всем миром, словно ты и вправду был затерян в бескрайней пустыне. И, наблюдая за мгновенной сменой выражений на лице брата, девочки с детской непосредственностью отдавались участию в захватывающей игре...

Вот снова встал у них на пути непроходимый темный лес. Роль его успешно сыграл фруктовый сад, действительно весьма обширный. И в лунном свете, надо

признаться, он мог пробудить странные иллюзии не только у наивного ребенка, но и у искушенного взрослого. Девочки носили малыша вокруг старых деревьев в саду, и колючие ветки царапали им руки, и шершавые листья касались лиц... У сестер глаза были все время открыты, а мальчик, слушая, был полностью заворожен их сказочными речами, тихим шелестом листвы на ветру, цепкими захватами острых невидимых сучьев и прутьиков. И наконец странное возбуждение охватило его, невыразимые словами предчувствия и непонятные ощущения ошеломили хрупкое сознание, беспокойство и необъяснимый страх потрясли детскую душу... Малыш готов был уже заплакать и запроситься домой, но огромное нервное напряжение сковало речь. Неведомо как и для чего его рассудок воплотил те реальные кошмарные картины, которые в близком будущем готовила ребенку судьба...

Шалуни несли братца через фруктовый сад и шуточно пугали его, убеждая, что видят фей, скользящих повсюду меж ветвями деревьев. Вовсе не предполагая, что он верит каждому их слову как истине, девочки посадили малыша под вишню, сняли с лица его легкую повязку — и кроха открыл глаза... Сестер не было. Он сидел на траве в полном одиночестве, и луна пристально наблюдала за ним с небес через мохнатые ветви яблонь, которые, думал он, походили на каких-то чудных старух, собравшихся вокруг него, и были такие худые, костлявые и недобрые...

Когда вернулись девочки, которые лишь на минутку отбежали в сторону и спрятались за стоящими поблизости деревьями, намереваясь удивить малыша и привести его в некоторое замешательство, брат исчез...

В доме поднялся страшный переполох, стон и плач стояли до утра. Впрочем, отец и мать, вспомнив свой уже давний опыт общения с феями, быстро поняли: без них тут не обошлось. А потому лелеяли тайную надежду, что когда-нибудь, со временем, сын еще возвратится к ним. Увы!.. Долгие и тщательные поиски, предпринимавшиеся неоднократно с отчаянным родительским рвением и с неистощимой верой в душе, так ничего и не дали.

Глава девятая

ТАИНСТВЕННЫЙ СКРИПАЧ

Обдумав множество планов по спасению сына, Колин не остановился ни на одном. Все замыслы казались либо смешными, либо неосуществимыми, либо слишком рассудочными в этой невероятной ситуации. Время шло, но ничего не менялось. Колин и подумать не мог, что его мальчика похитило то же самое племя фей, у которого еще прежде, в Шотландии, он не только отобрал свою маленькую прелестную жену, но отнял также молодость и красоту. Приди это ему в голову, он, конечно, поторопился бы с поисками...

И вот семь лет минуло со дня исчезновения мальчика.

Как-то, неожиданно проснувшись в полночь, Колин открыл глаза, пораженный привидевшимся ему странными гротескными фигурами. Некоторые из них — он был абсолютно уверен в этом! — когда-то прежде уже встречались ему. В сегодняшнем сне, сумбурном и смутном, ему только что пригрезились как живые маленькие пары, танцующие на полу между камином и кроватью — и это была не нынешняя их комната в девонширском коттедже, нет! Фигурки танцевали на глиняном полу домика его детства. У одного из крошечных гостей была скрипка, но в этот раз музыкант почему-то не играл. Зато другие сказочные существа пели, громким хором поддерживая ритм своего танца. Пугающие слова их песни были обращены к костлявому скрипачу, который стоял в центре круга:

Искусник-Пустозвон,
отъявленный худышка!
Сгодится ль на бульон
украденный мальчишка?..
И щечка, и глазок,
ушко и подбородок?..
Представьте, милый кроха
не хочет быть уродом!..
Ай, тонкий голосок
рыдает — дело плохо!
Так жалостно скулит:
«Ой, папа, ой, болит!..»

Тут худосочный Пустозвон прижал свою скрипку к плечу и извлек из нее вопль, похожий на болезненный крик ребенка, и после него танцоры снова взвились в бешеной пляске. Музыкант все длил и варьировал этот стонущий дикий мотив, меняя громкость, темп, высоту и акценты — и бесконечная ползучая мелодия, казалось, извивалась в ритме буйного танца вместе с телами азартных плясунов, которые весело хлопали в такт ответной реплике Пустозвона:

Ты, Обжорец, умой свое рыльце в пуху!
Не тебе ль я из уха готовлю уху?
А глазунью — из глаза, а щи — из щеки...
С отбивным подбородком пеку пирожки.
Живоглот ненасытный, помедли немного:
парня я засолил в Озерке Водяного,
чтоб к обеду врожденному дурню доспеть...
Папе Колину — глазом моргнуть не успеть!

Затем скрипка снова изобразила подобие детского плача, и в танцевальных движениях появилось что-то совсем уж отталкивающее и гнусное. Колин похолодел от ужаса, хотя он и вполтину не склонен был верить тому кошмару, о котором с садистским удовольствием провыл ухмыляющийся костлявый изувер. Отцовское сердце забилося неровно и часто. Пораженно приподнявшись на кровати, Колин вперил остановившийся взор в картину балетного иступления маленьких злодеев, с душевным трепетом ожидая продолжения истории. Ждать пришлось недолго. Вперед торжественно выступил слегка небритый толстомордый Обжорец и завершил куплет:

Хэй-хо!.. А если он
не станет торопиться
и в Озерке мальчонка
славно просолится...

Эти полные угрозы слова новоиспеченного солиста все присутствующие феи сопроводили несколькими выразительными па, и в них Колину почудилось движение, которым вытягивают из воды полный невод... А мерзавец продолжил:

Пусть знает, что к концу
седьмой зимы соленья
грозит его мальцу
наш пир пищеваренья:
ни глазок, ни щеки,
ни подбородка с ушком —
лишь дырка для ватрушки,
для кашицы кишки...

И тут Колина осенило. Он вдруг понял: мучители сына — это его старые знакомые, шотландские феи, и все разрозненные и неестественные детали их выступ-

ления мгновенно собрались воедино! Не осталось и тени сомнения: разудалые кровожадные существа принадлежали именно к тому многочисленному племени фей, что семь лет назад проказничало в доме его отца-пастуха!..

Снова загнусавил Обжорец:

Ах, никогда Колину
сынка не увидеть
и, усадив на спину,
верхом не покатать —
с ушком, глазком, желудком,
а может быть — без них...
Осталось девять суток,
а дальше — и-и-их-х!..

Случайно перехватив полный страдания взгляд Колина, который в полуобморочном состоянии смотрел на беснующийся балаган с кровати, глумливый певец смолк — и с пронзительным хохотом все исчезли. Только унылые скрипичные наигрыши еще долго тянулись за ними в ночи, словно шлейф за кометой...

Глава десятая

СНОВА СТАРУХА И КУРИЦА

Теперь Колин прекрасно все понял: в одно мгновение получил он исчерпывающее представление об этих феях, причем не столько благодаря собственным способностям, сколько — он не сомневался в этом — при посредстве иных сил, которые щедро подавали ему свою помощь.

Но что ж это были за силы? Во первых, Старуха с вересковой пустоши, решил он. На самом деле, Колин имел полное основание соотнести с нею и нынешнее доброе предзнаменование, ведь необыкновенное полуночное видение побуждало, подталкивало его к действию. Что ж, значит, он вернется в Шотландию, и будет искать Старуху с веретенком, и найдет ее. Он услышал ее зов и напоминание — и он поспешит ей навстречу. Но древнюю мудрую пряжу ни за что не найти тому, кто, отправившись на ее поиски, не потеряется сам — вот что нельзя забывать! По-иному никак не получится. Если хоть однажды удастся ее отыскать и при этом не сбиться с пути, Старуха, наверное, будет уже не собою, а обернется собственной курицей...

Колин возвратился в Шотландию и без промедления отправился на вересковую пустошь. По этой обширной болотистой местности, что лежала к северу от дома его отца-пастуха, он так долго странствовал в детстве, что едва ли мог надеяться хоть когда-нибудь, пусть даже по случайному недоразумению, заблудиться здесь, на пустынной безрадостной земле, ведь она, кажется, была исхожена им вдоль и поперек. Колину еще только предстояло понять: не столь уж велика важность, где именно случится человеку потеряться. Главное, ощутить, что ты заблудился, заплутал, совсем пропал — и обрести чувство оставленности, и всем сердцем отдался переживанию этой беды...

Изо дня в день с утра уходил Колин на пустошь и возвращался затемно. Через некоторое время кошелек его почти опустел, и Колин решил подзаныть денег у одного из своих старых приятелей. Отправился к нему на дальний конец болота Сотни Жал, однако дома никого не застал и, не в силах тратить время в пассивном ожидании, отправился в обратный путь. Уставший, голодный, в преддверии ночи он брел прочь от чужого порога, размышляя о полной безуспешности своих упорных поисков. И, углубившись в тоскливый плен болотных кочек и осоки, всего-то на несколько миль и отошел от жилья — но тут совсем стемнело.

Небо затянуло сплошными тучами, скрывшими и звезды, и луну. Колину казалось, что и во мраке память не изменит ему и он не собьется с дороги. Однако там, где он очутился, зыбкий болотистый путь требовал особого внимания и осторожности: здесь было трудно пройти даже днем. Незаметно свернув с тропы, Колин чуть не угодил в маленький омут — и только тут понял, что заблудился и не знает, в каком направлении ему теперь двигаться и что делать. И когда, уяснив это, он почти отчаялся, слева за деревьями мелькнул огонек. Колин повернул к нему и пошел, ведомый этой путеводной звездой. А приблизившись, обнаружил, что свет струится из распахнутой настежь двери знакомой маленькой хижинки, похожей на улей...

Еще в нескольких шагах от домика он услышал голос:

— Входи, Колин, я жду тебя.

Он повиновался сразу.

Старая хозяйка ничуть не изменилась с тех давних пор, когда Колин бывал у нее еще мальчишкой. Все так же размеренно работала прялка, так же крутилось веретено...

— Как поживаете, матушка? — поклонился Колин.

— У меня всегда все в порядке. Никогда больше не спрашивай меня об этом.

— Ладно. Мне, честно говоря, хотелось бы спросить вас кое о чем другом, — согласился Колин. — Хотя, возможно, живя в Шотландии...

— Я нигде не живу. Но тот, кто прислушивается к моему голосу и к моим наставлениям, всегда найдет меня, коль скоро действительно захочет этого.

— Вы еще видите, уважаемая?

— Вижу ли!.. Да я всегда вижу, причем настолько хорошо, что нет никакого смысла зажигать еще и свет глаз. Потому-то я и отпустила их, они недешево обходились...

Впрочем, выяснять, где именно теперь пребывают ее глаза, Колину было, признаться, тоже не так уж важно. Нужнее были ее советы.

— Итак, чего же ты хочешь на этот раз? — подводя итог разговору, для посетителя сейчас второстепенному, поинтересовалась хозяйка.

— Мне нужен сын. Феи похитили его.

— Знаю.

— И они отняли у него глаза...

— Я могу научить его видеть без них.

— И они отрезали ему уши...

— Слышат и безухие.

— И они засолили его щеку и подбородок в Озерке Водяного!

— А вот этому я уже не верю! — возразила Старуха.

— Они сами рассказали мне, — отвечал Колин.

— Да эти феи куда большие лгунишки, чем я предполагала! Впрочем, и впрямь надо что-то делать. Садись поближе, я расскажу тебе одну историю.

— Семь лет ушло на поиски — и бесполезно, а сроку осталось только девять дней!.. — с укором произнес Колин.

— Мне это известно не хуже, чем тебе, — рассердилась старая женщина. — Потому я и говорю: некогда терять время. Присаживайся ближе и внимательно слушай меня! Видишь, вот и Пряха Дженни уже готова.

Торжественно ступая, из-за кровати появилась курица.

— Принимайся за стрижку овец, Дженни, да поторапливайся, потому что мне надо прясть скорее, чем обычно. Осталось только девять дней.

Дженни опрометью выскочила за дверь, держа голову вровень с хвостом, как будто коршун гнался за нею. Через несколько мгновений она вернулась с пучком шерсти, как Старуха называла волокно для своей пряжи, хотя на вид это был обыч-

ный хлопок — легкий пух с хлопковых кустов, которые росли повсюду вокруг домика. Пучок был не меньше, чем сама Дженни. Опустив его на пол, курица тут же спешно отправилась за новой порцией. А Старуха, прикрепив шерсть к прялке, зацепила нить веретеном и начала прядь. Работая, она рассказывала бесконечно долгую историю — речь ее текла все быстрее, быстрее и быстрее; и Пряжа Дженни продолжала носиться туда-сюда неумоимо и целеустремленно... Время шло, и Колин подумал, что уже, должно быть, полночь. Но когда рассказ был завершен, оказалось, что семь дней из девяти уже миновали.

— Колин, — мягко окликнула хозяйка своего гостя, — вставай. Теперь ты знаешь все, что нужно. Отправляйся в путь сейчас же.

— Я готов, — ответил Колин, поднимаясь.

— Следы за дорогой. Дженни проводит тебя до мастерской Сапожника. Скажи хозяину, что женщина с прялкой и веретеном велела дать тебе кусок сапожного воска.

— И что же мне надо будет с ним делать?

— Сапожник всегда знает, зачем нужен воск.

Произнеся это последнее замечание, Старуха повернула лицо к огню: несмотря на то, что стояло лето, ночью было сыро и прохладно... И тут, поддавшись неожиданному любопытству, вместо того чтобы поспешить к выходу вслед за Дженни, как он только что собирался сделать, Колин, затаив дыхание, проскользнул вдоль стены к очагу и украдкой заглянул в лицо женщине. Там вместо морщин и старческой слепоты он увидел пару сияющих — нет, полыхающих — шаров света!.. Казалось, это не в них отражалось пламя, горевшее в печи, а сами они посылали яркие блики в огонь очага, поддерживая его жаркое горение!

В тот же миг домик — и все, что в нем находилось, — исчез. Колин поперхнулся холодным туманом, сгустившимся над болотом, и замертво упал навзничь.

Глава одиннадцатая

МОГУЩЕСТВЕННЫЙ САПОЖНИК

Когда Колин, все еще лежа на болотной кочке, пришел в себя, он почти успокоился. Поднялся, внимательно огляделся.

Луна стояла высоко, но хижины нигде не было видно... Неимоверно сожалея о своем глупом и бесцеремонном любопытстве, на всякий случай Колин позвал: «Дженни, Дженни!» — но безрезультатно. Что ж теперь делать? Завтра наступит восьмой день из девяти оставшихся, и если до полуночи следующего — последнего! — дня он не спасет сына, ничего больше нельзя будет сделать как минимум еще в течение семи лет! Это он знал наверняка. Если быть абсолютно точным, ровно семь отведенных на поиски лет истекали только к семи вечера десятого дня. Но феи не намерены были чем-то поступаться и милостиво дарить ему преимущества — и они забрали этот неполный день. Сейчас Колину ничего не оставалось, кроме как продвигаться наобум. Надо было идти хоть куда-то — движение вселяло в него тень надежды, что, может, он случайно набредет на мастерскую Сапожника; а сидя неподвижно, он лишал себя и этого слабого утешения...

Предпочесть одно направление другому было абсолютно невозможно. Колин бесцельно проблуждал остаток этой ночи и весь следующий восьмой день. Он не мог позволить себе возвратиться домой, пока не истечет последний срок и Сапожник уже никак не сможет помочь ему освободить сына. Найти мастерскую — эта единственная забота неотвязно занимала отца. Так что, хотя он уже несколько дней не ел и не пил, Колин не задумывался над причинами наваливающейся на него физической слабости — некогда было. С наступлением темноты, однако, рез-

ко усилении мучительные боли: ноги несчастного подкашивались, испарина изнеможения покрывала лоб, в горле пересохло и саднило, глаза слезились от напряжения... Колин был на пределе сил — и душевных, и физических. Наконец он увидел слабо белеющий во тьме громадный плоский валун, который словно звал путника присесть и перевести дух, и медленно, с долгими остановками двинулся к нему, шатаясь от истощения и усталости.

Основание камня поросло мхами, а вершина слегка поблескивала в свете звезд. Но стоило Колину прислониться к прохладному и гладкому каменному боку, как он тут же увидел где-то впереди чуть правее валуна (и не слишком далеко, мысленно отметил он) тусклое серебристое мерцание. словно окрыленный новой надеждой, забыв об изнурительных блужданиях, о слабости и голоде, о гудящих от боли ногах, Колин спешно поднялся и направился к заинтересовавшему его месту.

Подойдя ближе, он затаил дыхание: в ночной тишине как будто слышался какой-то необычный мерный шум, словно сотканный из сотни схожих шумов поменьше. Звуки будили неясные воспоминания. Казалось, он уже слышал их прежде — где-нибудь на заводе или на фабрике в Лондоне. Но где именно, Колин никак не мог припомнить. Задумавшись, он едва не упал, наткнувшись на длинное и очень низкое строение без окон и с одной только небольшой дверью в торце. Свет, привлечший его внимание, лился из этой широко распахнутой дверцы. Колин приблизился и осторожно заглянул внутрь.

В помещении сидело множество сапожников — каждый на своем стуле, каждый со свечкой, воткнутой в специальное отверстие в сиденье стула. Дело кипело вовсю. Работники показались Колину невысокими ростом, хотя, конечно, не могли и сравниться размерами с крошечными феями. И — что самое замечательное в их поведении — все они одновременно и точно выполняли одно и то же движение — секунда в секунду, четко и слаженно, словно были частью единого механизма. Когда один продевал иглу с нитью в подошву башмака, делая стежок, — все делали то же самое. Если, удивлялся Колин, один, начиная вытягивать нить, поднимал глаза кверху — остальные тоже старательно тащили нить, глядя ввысь. Если кто-то вдруг принимался стучать молотком по шлифовальному кругу, то вся мастерская следовала его примеру. Не подневольно и не в стремлении подражать, вовсе нет — просто каждый из них в один и тот же миг хватал свой круг и впадал в процесс остревенелого битья молотком. Причем лупил по нему с такой сосредоточенностью и целеустремленностью, как будто ничего иного в эту секунду от него ни в коем случае не требовалось, да и его не занимало.

Колин решил присмотреться к ним более пристально — и заметил, что все сапожники слепы на один глаз и носы у всех свернуты на сторону, как сапожное шило. Тем не менее каждый из них чем-то неуловимо отличался по внешнему виду от своих коллег, несмотря на очень близкое, почти родовое сходство в чертах лица.

В это мгновение сапожники перехватили взгляд Колина, встали — и все как один, направив свои шила на пришельца, двинулись к нему, как ходячий куст алоэ, блестящий шипами.

— Хорошая кожа для голенищ, — сказали все хором, различаясь лишь сопровождавшими их голоса гримасами.

— Верхушка черепа — отличная чаша для клея! — прозвучало следующее полногласное замечание.

— Свежие настоящие волосы — крепкие шнурки получатся! — продолжили они с алчным задором.

— Сухожилия — отличная нить...

— Кости и кровь — неплохое сырье для клея, что как раз сгодится прикрепить подошвы к нашим семимильным сапогам!

— А из ушей сделаем петли... Пришьем к семимильным!.. Стаскивать будет удобней. Славная парочка, а?.. Коротковаты, правда.

— Ступни пойдут на стельки в шлепанцы Царицы-Смерти!

С неподдельным увлечением продолжали они вслух делить тело Колина на порции самым непочтительным образом, полагая каждую пядь его для нужд своего ремесла, пока, добравшись наконец до зубов, не заключили:

— А зубы — надежные гвозди! Они всегда будут издавать особенный скрип, похожий на звук навощенной нити, когда она быстро и ловко проскальзывает сквозь кожу...

И вот уже они выросли прямо перед ним, грозно посверкивая своими носами-шилами, загнутыми вбок, как кинжалы. Нельзя было терять ни секунды.

— Старуха с веретеном... — начал Колин.

— Знать ее не знаем! — взвизгнули сапожники и сделали еще шаг вперед.

— Старуха с прялкой, — уточнил гость поспешно.

И все они, бросившись назад к своим стульям, торопливо уселись и энергично заработали молотками.

— ...она пожелала, чтобы я, — продолжил Колин, — попросил у Сапожника кусок воска.

Каждый мастер тут же схватил свой рабочий кусок смолистого воска и протянул его просителю. Колин взял воск из рук ближайшего, заметив, что и у всех прочих он тоже исчез, после чего сапожники застыли неподвижно и молча уставились на него.

— Но что же мне делать с ним? — поинтересовался Колин.

— Я немного провожу тебя, — сказал сапожник, сидевший чуть ближе других, и взял Колина под руку. — Пройдемся, я все тебе расскажу. Старуха с веретеном и прялкой — моя царственная бабушка. Поистине, она добрейшая и почтеннейшая доисторическая душа...

Колин переступил порог мастерской и, признаться, с некоторым облегчением выбрался наружу. Сапожник, пропустив его вперед, проследовал за ним. Случайно оглянувшись, Колин обнаружил, что все без исключения стулья в мастерской опустели, а само место дышало теперь поразительной тишиной, словно старый церковный погост.

Теперь Сапожника было не узнать. И в разговоре, и в жестах, и во всем поведении его вдруг проявился невероятно вежливый — чтобы не сказать полный условностей — чопорный маленький человечек. По дороге он выдал Колину исчерпывающе подробную информацию, которая могла тому понадобиться в скорой борьбе с хитроумными феями, и сопроводил свои речи любезным подарком в виде удивительно изящного сапожного шила.

Они шли довольно долго, и Колин даже удивился тому, что силы еще не совсем покинули его. Наконец Сапожник сказал:

— Я вижу, сэр, восход уже близится. Пора мне возвращаться к моим трудам. Как только солнце поднимется, вы сразу сообразите, куда попали.

Он свернул в сторону и в нескольких ярдах от тропинки, по которой они двигались, нырнул в растворенную дверь какого-то одиноко стоящего дома. В тот же миг все окрестности наполнились звуком мягкого постукивания трех сотен и тринадцати сапожных молотков. И верно, у каждого сапожника была своя маленькая свечка, укрепленная в дырке стула, на котором сидел и работал мастер...

Пока Колин с изумлением прислушивался, вглядываясь в картину коллективно возобновленного сапожного труда, из-за горизонта показался край солнца, и домик, у которого он теперь очутился, белый и мирно спящий, показался ему смутно знакомым. Мастера-сапожники, их огоньки, их стулья и инструменты — все исчезло. Только в голове Колина продолжал биться жилкой на виске звонкий пе-

рестук маленьких молоточков, который постепенно сложился в загадочные, неровные слова песенки, похожей, быть может, на эту. И пусть в ней каждая строчка спешит, спотыкаясь, подпрыгивая и постукивая, к своей простенькой рифме и звучит не слишком связно и гладко, но это не лишает текст смысла. Итак, в голове Колина звучало:

Эй, рыцарь, мастер-рыцарь сапожных дел!.. э-гей!..
Стучи легко и быстро, обрезывая, прокалывая,
простегивай, промалывай, проветривай и шей!

К седьмому дню недели
большой отец... дзилл-дзилл!..
больной, сойдя с постели,
ботинки попросил —
к порогу! В дорогу
спешит что было сил!
Скорей беги!.. э-гей!.. э-гей!..

Ах, фея, злая крошка, пришел тебе конец!
С улыбкой нехорошею сняла свои сапожки ты —
легчайшие, несношенные...

Бенн-ц!..
Увы, подруга милая,
малюсенькими ножками
над Озером болтать
слегка поторопилась ты:
не стоило их в воду окунать!

Наступишь там, где скользко, да полетишь на воске
по скалам, не по воздуху, и — ш-шась!..
Да как тут не упасть:
за сыном — вот напасть! —
похищенным из дома,
дорогою знакомою
идет отец, разгневанный вконец!
Увы, такая страсть!

Не жди теперь спасенья!..
А значит, в день рожденья
на камни и ракушки грозит посадка...
Бамм-м!..
Беда тебе, старушка: не сможешь из ловушки,
из маловодной лужицы сбежать в луга к цветам.
Испивши Карачун, как ни старайся вдруг... бух-х!..
по лунному лучу удрать — ан нет, испустишь дух!

Кузнец-молотобоец, суровый Искроглаз,
подковывает враз и страхи темной ночи,
и сонных водяных... вж-жик!..
и черных псов, и прочих
зверушек, пожесточе...
Решительный мужик!..
Чурр-р!..
Ему всегда задача по плечу...

Не ускользнуть вам тоже — веселый час настал!
Пристегиваем кожу к русалочьим хвостам.
И домовым беспалым пристроим пару ног...
Хок-к!..

Чтоб без больших тревог, и ссор, и перепалок,
не скалясь и не хмураясь, по трубам и подвалам

они гуляли тихо, как крот или кролика,
как смиренная крольчиха,
лежали бы, зажмурясь, —
и зубы на замок!..

Но волей Всемогущего
нам не обуть идущего
дорогою нехоженой без Бремни Костей,
без теплой ризы кожаной —
из глины необожженной,
светясь душой обожженной —
по огненной черте,
путем воды и камня —
в одеждах белотканых
к последней, к смертной высоте...

Так странно и неожиданно серьезно закончилась таинственная песенка в сознании Колина, прежде чем настойчивые звуки дружных молоточков в его голове замерли — и словно освободили его от невероятного внутреннего напряжения последних дней...

Он увидел, что стоит на лугу с наружной стороны собственного фруктового сада в Девоншире, держась за ограду.

Глава двенадцатая

ШИЛО И ВОСК

Настал вечер. Солнце садилось над морем в безоблачном небе, расточая золото по всей округе. Колин подошел к побережью чуть правее дома, западнее — ближе к заходящему светилу...

Отлив еще не закончился, и большие открытые пространства песка и гальки лежали, поблескивая в свете вечерней зари. Эта полоса обнажившегося дна соединяла скалистый берег и группу мелких коралловых островков, обычно разделенных в пору морского прилива. Теперь же торопливые ручейки, бесчисленные струйки и потоки бежали мимо них, спеша догнать свою родительницу-воду — большую, величественную и древнюю.

Встречные впадины и неровности дна временами пленяли эти разновеликие струи, преграждая путь. И тогда они разливались небольшими мелководными озерками, останавливаясь на временный отдых от утомительного бега; потом снова выбирались из песчаных выемок и вновь ручьями текли к морю, покрываясь рябью от множества маленьких течений, возникавших внутри каждого потока. И солнце сияло на воде, раздробленное на мириады рябинок, и песок в глубине блестел, как бежевый шелк, залитый золотым шитьем, — только золотистые нити все время менялись, вились и перепархивали с места на место, как живые существа, что ни на мгновение не остаются в покое...

Теперь Колин не нуждался в магии и фокусах Королевы для того, чтобы, меняя и обостряя свое зрение, с полной очевидностью убедиться в реальном существовании фей. Он и так видел их сейчас — всех, до единой и до единого. Большинству людей, правда, непременно требуется какое-нибудь магическое средство или непонятное действие, чтобы теснее соприкоснуться с областью таинственного, но Колин был прекрасно одарен от природы. Потому он побрел к невысокой уединенной скале, которую давно и хорошо знал. Слабые ручейки устремлялись от нее вслед за уходящим морем, а мелкие озерца вокруг скалы были просто усыпаны феями, играющими и шалящими в воде. Дивное это было зрелище — наблюдать их так близко вольно резвящимися в свете заходящего солнца, в ярких

платьях, которые искрились от драгоценностей, что пылали всеми цветами радуги при любом, даже самом легком движении.

Увы, у Колина не было и минуты лишней, чтобы всласть полюбоваться игрою красок и изяществом поз этих резвых созданий. К тому же в тот момент, когда существа заметили его — и поняли, что оказались в опасной близости от человека, который тоже видит их и которому они причинили непростительное зло, укрыв его ребенка, — феи тут же бросились спасаться бегством вверх по отвесной скале. Миг — и они исчезли.

Именно этого и добивался Колин. Он раз за разом обходил скалу кругом, выискивая, тщательно обследуя ее и высматривая все тайные места, где мог бы скрываться омут или озерко — и везде у воды находил множество фей. Всякий раз при виде его хитрые грациозные создания испуганно и спешно прятались. Прогнав их отовсюду с песка и заставив скрываться на скале, Колин подошел наконец вплотную к этому последнему их убежищу и вынул из кармана кусок сапожного воска.

Взобраться наверх было делом нескольких минут. Там, ногами опираясь на скальный выступ и удерживаясь рукой за острый верхний край маленького плато, венчающего скалу, Колин легко сохранял равновесие. Не поднимая головы выше этой естественной границы и осторожно перемещаясь по периметру, он начал обводить плато непрерывной восковой линией, широкой и скользкой. Так он продвигался по кругу медленно и осторожно, почти ползком, отмечая единой чертой край скалы, за которым скрывались феи. И чертил, не отрывая руки до тех пор, пока восковая окружность полностью не замкнулась.

Тогда Колин поднялся чуть выше и окинул взором внутреннюю часть плато.

В центре, в самом сердце этого скалистого островка, который почти полностью покрывался водой во времена приливов, теперь, когда море отхлынуло, образовался довольно большой естественный водоем, и в его соленой прозрачной глубине хорошо прижились милые светло-зеленые водоросли, разноцветные ракушки и невероятное количество других мелких морских обитателей. Эта тихая лагуна на скале была самым любимым местом пребывания фей в Девоне, и сейчас они ее просто заполнили.

Увидев гигантскую голову Колина, заглядывающего сверху в озерко, как в аквариум, феи разразились обидным громким хохотом и начали насмешливо заигрывать с ним, и дразнить его, и издеваться на сотни ладов. Некоторые строили претвратительные рожи; другие старательно передразнивали жесты и подчеркнута ехидно выражали якобы испытываемое удовольствие от встречи со старым знакомым; прочие распевали отрывки каких-то язвительных песен — и так далее. Только Королева сидела на дальнем выступе скалы, опустив босые ножки в воду, погруженная в глубокое раздумье. Она медленно подняла голову и хмуро взглянула на Колина. А множество фей продолжали нырять, и плавать, и плескаться, и кататься на лодочках, не переставая, однако, дразнить пришельца. Колин, наверное, с наслаждением созерцал бы их глупые и наивные проказы, если бы сказочная красота облика и движений малюток не была так изуродована злобыми гримасами и жестами — и, главное, если бы цель его путешествия не была так отчаянно серьезна.

— Мне нужен мой ребенок! — обратился Колин к повелительнице фей.

— Отдайте папаше его детку! — крикнула одна из придворных дам в платье цвета морского песка.

Тогда примерно дюжина пловцов нырнула в озерко и выволокла на поверхность массивного морского слизня — пугающее бесформенное создание, похожее на медузу. Ухмыляясь, ныряльщики предложили:

— Ребенок там же, где только что был этот красавчик. Спустись и достань его сам. Другие феи притаячили Колину голубого омара, который изгибался и неуклю-

же изворачивался в их цепких руках. Трезви — морского паука, четвертые — морскую звезду... Зрители все время напевали оскорбительные стишки, слагая из них умопомрачительное поурри, подхватывая мотивы по кругу — один за другим. Наконец они вытянули из омота ужасающего монстра. Он был похож на распухшего гигантского ребенка с лицом, наполовину объединенным рыбами, с огромным вытянутым носом, напоминающим щупальце осьминога. Но Колина было ничем не пронять.

— Очень вы хорошие, добрый народец, — сказал он. — Продолжайте в том же духе. А вот я попробую сделать кое-что еще.

Он спустился на песок с наружной стороны скалы, достал маленькое сапожное шило и стал буравить в камне дыру. Шило входило в твердую породу, как горячее лезвие в масло. И когда отверстие стало достаточно глубоким, из дальнего конца его начала все сильнее прибывать вода, изливаясь наружу. Тогда Колин просверлил следующую дырку, тоже до самой воды, затем еще одну — и продолжал вгрызаться в скалу до тех пор, пока число отверстий в ней не достигло трехсот тринадцати. Через триста тринадцать открытых шлюзов тремястами тринадцатью потоками струилась на песок живительная влага из укрытого от взоров бассейна наверху скалы, прозванного за свою уединенность Озерком Водяного. И, сливаясь в единое русло, мощным потоком вода устремлялась к морю. Окончив свой труд, Колин поудобнее устроился на рифе у подножья скалы и стал ждать. Не прошло и десяти минут, как из водоема донесся шум тоненьких возмущенных голосов. Феи кричали, что уровень воды слишком понизился, хотя причина этого непонятна. Вскоре, однако, они обнаружили сквозные дыры, через которые безостановочно утекала свежая морская вода...

— Он раздобыл шило Сапожника-Огарка! — завопили они с ужасом в голосе.

Услышав эти слова, Колин взобрался на скалу повыше, чтобы в полной мере насладиться гневом и смятением маленького народца. Впрочем, пришла пора кое-что прояснить.

В начале этой истории уже упоминалось о том, что феи любили воду. Но на самом деле они любили ее, пожалуй, даже слишком сильно, порою просто до безумия. Ведь для фей дело жизни — помогать цветам, в которых они обитают, заботиться о них, а также оказывать разные услуги всем без исключения созданиям, существование которых как-то связано с процессом произрастания опекаемых ими цветов. Отсюда и родилось название этого чудесного племени — «добрый народец». Питая растения, в которых жили феи, всякий раз вода приносила чистоту и свежесть и их маленьким обитателям, которые разделяли с цветами это удовольствие, принося к прохладным живительным струйкам и каплям, собиравшимся в нежных венчиках. С течением времени феи влюбились в саму воду — или, точнее, в радость, которую она доставляла им, и уже не задумывались о том, благом или злом была влага для цветов, чье существование так неразрывно связано с нею. Дело дошло до того, что некоторые племена, пренебрегая делами и заботами, возложенными на них от века, ради своих прихотей взяли привычку бросать любимые цветы и отправляться в путешествия по ручьям и потокам. По пути они окунались в каждый встречный омут, временно обживая любую заводь, ища все новых и новых наслаждений, которые не налагали бы на них, легконогих и легкомысленных, никаких обязанностей. Так просто было, меняя воды — озерко на родник, ручей на речушку, поток на запруду, — хохоча и резвясь, лишь сравнивая ощущения и ни о чем не сожалея, всегда купаясь в даруемом наслаждении и не отдавая ничего взамен, — так беззаботно было жить, не оглядываясь на то, что было позади!..

Это и послужило причиной быстрого заката и нравственного падения доброго народца. Очевидно, могущественный Карачун — эликсир рождения и смерти — не предназначался древней Царицей для того, чтобы непременно погубить кочу-

люще племя. Он только обнаружил уже почти свершившуюся духовную смерть фей, их реальную немощь и увядание — и привел внешний облик этих крошечных созданий в соответствие с их хаотичным и бесполезным существованием.

По прибытии в Девон феи обнаружили, что соленая морская вода весьма благотворно действует на процесс восстановления их былой красоты, утраченной в момент, когда они отведали заветной силы и сладости Карачуна. Племя осталось на побережье, надеясь когда-либо исцелиться, и часами целеустремленно купалось в воде — особенно в той, что оставалась в Озерке Водяного после прилива. Эта студеная, чистая, постоянно обновляющая свою свежесть влага настолько пришлась им по вкусу, что феи в итоге стали полностью зависеть от морской приливной волны и связали свое существование только с ее приходом, несмотря на непостоянство и капризы погоды на побережье.

И вот их заветное Озерко быстро и неуклонно мелело! Так что, увидев громадное любопытное лицо Колина, выглядывавшего из-за выступа скалы, крохотные купальщики и купальщицы бросились на него в ярости подобно мириадам бешеных пчел в потревоженном улье, карабкаясь по отвесной скале обнажившегося водоема. Колин слегка отодвинулся от края, позволяя доброму народцу идти в решительное наступление всем племенем. Но в тот самый миг, когда первый из нападающих поставил свою ногу на описанную Колином вокруг плато восковую линию, он, поскользнувшись, опрокинулся навзничь и полетел вверх тормашками в омут, взвизгнув:

— У него воск Сапожника Последнего Света!

— Он раздобыл воск Мастера, От Которого Не Ускользнуть! — вскричал второй, спинной падая в воду вслед за своим братом по несчастью.

Раз за разом нападая, они скользили и срывались вниз, и это длилось до тех пор, пока никто уже не смел приближаться к роковому краю. Дело в том, что по извечному закону ни одна из фей не могла пересечь черту, нарисованную воском сапожника, никаким иным способом, кроме как на ногах. На ногах же фее было ни за что не удержаться на скользком воске, тем более что проведенная Колином по верхней границе плато линия уже успела расплыться и расплавиться на камне, нагретом солнцем, и стала теперь такой широкой, что преодолеть ее пешему миниатюрному войску оказалось просто невозможно. Тогда Королева поднялась с каменного выступа на дальнем краю водоема и спросила:

— Что тебе надо, Колин?

— Мне нужен сын, и Вы это прекрасно знаете, — ответил тот.

— Иди и забирай его, — устало сказала Королева и снова села, хотя теперь ее свободно покачивающиеся ножки не доставали до воды.

Но Колин прекрасно знал все ее уловки — и потому тоже уселся поудобнее на краю бассейна, выжидая дальнейшего развития событий. К несчастью, лапа его пальто случайно пересекла восковую линию — и в мгновение ока полдюжины фей оказались вне круга. Заметив побег, Колин поспешно встал. В общем-то, беда невелика, так как множество испуганных пленников еще оставалось в своей тюрьме. Вода почти совсем спала, обнажив местами неровное дно, покрытое спутанными корнями водорослей. Наконец Королева не вытерпела.

— Смотри, Колин, — брезгливо произнесла она, — я желаю тебе добра, а не зла.

С этими словами она поднялась на ноги и стала медленно спускаться по внутреннему склону скалы к водоему, уровень которого, по сравнению с прежним, теперь катастрофически понизился. Королеве приходилось передвигаться чрезвычайно осторожно и внимательно, потому что камни, прежде погруженные в воду, тоже были очень скользкими, хотя на них сейчас и не было воска. Где-то на полпути от беспокойной поверхности сильно обмелевшего омута, превратившегося в глубокую придонную лужу, Королева остановилась и сдвинула с места большой круглый камень, закрывший не заметное постороннему глазу отверстие. Очевидно, догадался Ко-

лин, это была подводная пещера. Королева вошла внутрь. Через несколько мгновений она возвратилась быстрым шагом, ломая в отчаянии руки.

— О провидение! — воскликнула фея. — Что же мне делать? Вы, люди, так ужасно быстро растете и толстеете! Твой мальчишка вымахал до таких гигантских размеров, что я не могу вытащить его, как ни стараюсь!

— Вы отпустите пленника, если я сам извлеку его из пещеры? — поинтересовался Колин.

— Отпустим, отпустим! Если его не отпустить, мы все скоро дойдем до полного истощения, а может быть, и умрем из-за отсутствия морской воды. Просто умрем от жажды! — нервно трепеща, ответила Королева.

— Поклянись шилом Сапожника и его воском! — потребовал Колин.

— Клянусь! — промолвила Королева.

— Шилом Сапожника и его воском, — уточнил Колин.

— Я клянусь шилом Сапожника и его воском, — повторила клятву Королева.

— Во имя своего народа?

— Во имя моего народа клянусь, что никто из нас, здесь присутствующих, никогда не досадит ни тебе, ни твоей семье. Вовек!..

— Тогда я спускаюсь, — согласился Колин и прыгнул в Озерко.

С помощью сапожного шила он быстро расширил и расчистил в скале отверстие, что служило входом в темницу. Особых усилий не потребовалось, поскольку острое, как и прежде, шило вонзалось в камень, словно в мягкое масло. Когда дело было завершено, наружу выбрался симпатичный мальчуган лет десяти на вид и, подпрыгнув, радостно и доверчиво симпатично прямо на руки отца. У ребенка были и ясные серые глаза, и маленькие ушки, и нежный детский подбородок, и румяные щечки — все, все на месте и в полной сохранности! И Колин с трепетом понес его домой, к матери...

Первое впечатление у всей семьи было сложным: радость и печаль соединились в душе воедино. «Жаль, что мальчик нашелся уже таким взрослым, — думали родители немного огорченно, — ведь семь лет назад мы потеряли трех годовалого малыша». Впрочем, это томительное чувство почти не мешало их благодарной радости от встречи с сыном, а вскоре и совсем исчезло, испарившись легким облачком, и весь дом преисполнился ликованием и счастьем.

Маленький Колин — ведь он все равно остался самым маленьким в семье! — рассказал им длинную, грустную и захватывающую историю о времени своего семилетнего пребывания среди фей. Он относился к ним с неизменной жалостью и сочувствием.

А уже через пару месяцев домашняя жизнь настолько увлекла и захватила его, что, вспоминая прошлое, мальчик воображал, что пробыл в своем подводном плену уж точно не больше недели и вернулся как раз ко дню своего рождения!